

Социальная история отечественной науки и техники

В. Л. ЛЮБОШИЦ

О ГЕРЦЕНЕ ИСАЕВИЧЕ КОПЫЛОВЕ

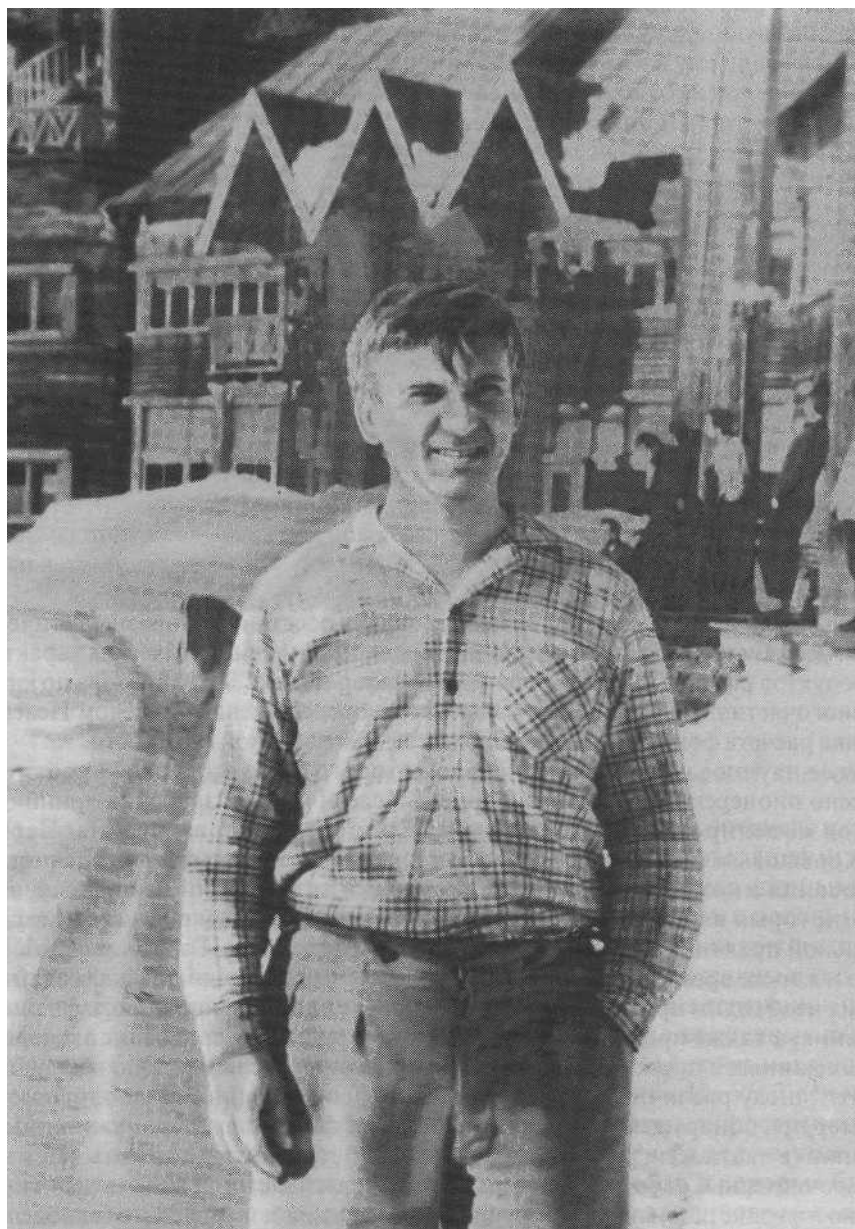
Вот уже более 20 лет прошло со дня безвременной смерти талантливого физика и замечательного человека, доктора физико-математических наук Герцена Исаевича Копылова. Нотропинки, проложенные им, незаросли, а стали еще шире и прямее. Он жил среди нас, и мы помним о нем. Высочайший профессионализм ученого, талант педагога и популяризатора науки, несомненный литературно-поэтический дар и исключительные моральные качества — все это гармонично сочеталось в Герцене Исаевиче.

Он родился в 1925 г. в Днепродзержинске, с 16 лет начал работать на оборонном заводе в Пятигорске. Одновременно он окончил с медалью школу рабочей молодежи и в 1944 г. поступил на физфак МГУ. Выпускнику-отличнику с 1949 по 1954 гг. пришлось преподавать физику и математику в днепродзержинских школах и техникумах. С 1954 г. Г. И. Копылов — сотрудник ИНИОНа, а с 1955 г. он начинает работать в Дубне. И до конца жизни он с горечью вспоминал свой «поздний старт».

Я впервые познакомился с Г. И. Копыловым осенью 1963 г., когда поступил на работу в Лабораторию высоких энергий Объединенного института ядерных исследований (ОИЯИ). Научный сектор, в который я был зачислен, возглавлял выдающийся физик, человек громадного обаяния, Михаил Исаакович Подгорецкий. В этом же секторе работал и Г. И. Копылов. Долгое время Г. И. Копылов и М. И. Подгорецкий плодотворно сотрудничали, их взаимное влияние друг на друга было очень велико. Два года прошло с тех пор, как Михаил Исаакович ушел из жизни. Его смерть отозвалась тяжелой болью в душах тех, кто его знал. О нем должен быть особый разговор, выходящий за рамки данной статьи.

При первой встрече Герцен Исаевич произвел на меня впечатление красивого, умного, очень выдержанного человека с глубоким чувством внутреннего достоинства. Круг близких друзей Герцена Исаевича был довольно ограничен, и он неохотно вступал в контакты с людьми, которых знал недостаточно хорошо. Конечно, это легко понять сейчас, когда стала известна связь Герцена Исаевича с правозащитным движением, но в то время он казался мне излишне скрытным и даже высокомерным. До 1967 г. мое общение с Герценом Исаевичем было эпизодическим; наши научные интересы почти не перекрывались, а по возрасту он был на 12 лет старше. Я даже не знал, что Герцен Исаевич — автор знаменитого «Евгения Стромынкина», хотя и читал эту поэму в списках.

Наши постоянные научные и ненаучные контакты начались в 1967 г. В течение 9 лет, вплоть до смерти Герцена Исаевича в августе 1976 г., мы работали в одной комнате, сидели, как говорится, «лицом к лицу». Конечно, мы много говорили — в основном о проблемах физики, но также о политике, искусстве, литературе, о шахматах и т. д. За эти последние годы я по-настоящему понял, какой это удивительный, незаурядный человек и как мне и нам всем повезло, что он работал рядом. Я горжусь тем, что являюсь соавтором трех его работ, выполненных в 1974—1976 гг.

Мы и работаем с азартом,
И любим смех, и бурный спорт,
О микромире буйный спор,
Гуно не путаем с Моцартом...

Г. И. Копылов на турбазе в горах Кавказа

Меня поражали математический дар и изобретательность Герцена Исаевича. Впечатление было такое, что он мог решить любую корректно сформулированную математическую задачу — трудностей здесь для него не существовало. Это, несомненно, помогало ему в исследовательской работе.

Г. И. Копылов внес крупный вклад в развитие физики высоких энергий и элементарных частиц. Им опубликовано более 100 научных работ, большая часть которых посвящена теоретической разработке и апробации методологических подходов к исследованию взаимодействия элементарных частиц. Сочетание высокого теоретического уровня его исследований с четкой направленностью на удовлетворение самых насущных вопросов современного эксперимента привело к тому, что результаты его работ нашли и до сих пор находят широкое применение в практике многих крупных лабораторий России, Европы и Америки.

В научной деятельности Г. И. Копылова можно выделить три основных направления, в которых ему удалось достичь значительных результатов: исследования по прикладной релятивистской кинематике, разработка теории и методологии моделирования многочастичных реакций в физике высоких энергий и анализ корреляционных явлений при генерации тождественных частиц с близкими импульсами, — интерферометрия тождественных частиц.

Г. И. Копылов был крупнейшим специалистом в области прикладной релятивистской кинематики. Широко известный цикл его работ по косвенным методам идентификации резонансов в условиях неполной кинематической информации (так называемого «бедного» эксперимента) используют многие экспериментаторы. Г. И. Копыловым была решена сложная и важная задача восстановления энергетического спектра нестабильных частиц по неполным измерениям кинематических характеристик продуктов распада. Большое значение имеют работы Г. И. Копылова по кинематике многочастичных распадов и, в частности, предложенная Герценом Исаевичем методика расчета фона в каскадных процессах произвольной сложности.

Другое научное направление, начало которого было в значительной степени положено пионерскими работами Герцена Исаевича, — разработка принципов и методов моделирования многочастичных процессов при высоких энергиях. Г. И. Копыловым был впервые разработан универсальный метод численного моделирования множественных процессов — так называемый метод «случайных звезд», который в настоящее время необычайно широко используется в экспериментальной практике большинства научных центров мира. Этот метод позволяет просто и в то же время эффективно изучать всевозможные фоновые эффекты, учет которых необходим при любом серьезном поиске или изучении нового физического явления, а также проводить детальное количественное сравнение экспериментальных данных с предсказаниями теоретических моделей по максимально возможному числу различных характеристик и распределений. Роль этого метода, например, при обнаружении различного рода нестабильных и промежуточных образований (в частности, резонансных состояний), трудно переоценить.

Многочисленные работы Г. И. Копылова по релятивистской кинематике, моделированию и физике резонансов (среди них следует специально отметить безмодельный анализ запрещенных конфигураций в системе нескольких мезонов) были систематизированы в его докторской диссертации (1967), а затем с большим талантом обобщены в монографии «Основы кинематики резонансов» (1970), которая, без всякого преувеличения, стала настольной книгой для физиков-экспериментаторов, работающих в области физики элементарных частиц.

Особое место в научном творчестве Г. И. Копылова занимают работы по интерферометрии тождественных частиц, выполненные в последние годы жизни вместе

...для творческого счастья
 Не нужно почестей и власти,
 Урочных высших степеней
 И прочих пышных ахиней.

Дубна, 6 июня 1975 г. Слева направо: М. И. Подгорецкий, Г. И. Копылов, Я. А. Смородинский

с М. И. Подгорецким. В работах Г. И. Копылова и М. И. Подгорецкого с неожиданной стороны была вскрыта тесная связь между парными корреляциями тождественных частиц с близкими импульсами, которые генерируются в ядерных столкновениях, и корреляциями фотонов, излученных оптическими источниками. Г. И. Копылов и М. И. Подгорецкий показали, что корреляции тождественных частиц с малыми относительными импульсами очень чувствительны к геометрическим размерам области генерации и к длительности процесса генерации, причем зависимость таких «узких» корреляций от пространственно-временных параметров обусловлена интерференцией амплитуд, связанной с квантово-механической тождественностью (эффекты бозе- или ферми-статистики). На этой основе они разработали оригинальный и эффективный метод определения пространственно-временных характеристик процессов множественной генерации частиц. После публикации статей Г. И. Копылова и М. И. Подгорецкого, в которых были не только детально изложены теоретические основы корреляционного метода, но и даны с исчерпывающей ясностью рекомендации по его практическому применению, стало быстро развиваться новое перспективное направление в физике высоких энергий. Это направление охватывает в настоящее время многие сотни экспериментальных и теоретических работ, проводимых в разных странах мира. Результаты этих исследований регулярно обсуждаются на международных, в том числе и специализированных, конференциях по физике высоких энергий. При этом количество ссылок на основополагающие публикации Г. И. Копылова и

...простой ученый персонал,
 Науки главный арсенал,
 Ее грядущего основа, —
 Народу множество честного...

Дубна, апрель 1972 г. Крайний слева — Г. И. Копылов

М. И. Подгорецкого не уменьшается — их идеи, результаты и рекомендации не стареют.

Я вспоминаю, с каким энтузиазмом и с какой энергией работал Герцен Исаевич в эти последние годы. А ведь он уже был тяжело больным человеком — боли в сердце постоянно мучили его. В январе 1974 г. Герцен Исаевич пережил неприятный момент: очень важная статья «Корреляция тождественных частиц как средство изучения механизма множественного рождения», в которой были обобщены результаты опубликованные ранее им и М. И. Подгорецким на русском языке, была совершенно необоснованно отклонена редакцией европейского журнала «*Physics Letters*». Несколько позднее выяснилось, что довольно странным образом редакцией того же журнала была принята к печати статья Г. Коккони, направленная в журнал в феврале 1974 г. — буквально на ту же тему. В своем письме к редактору «*Physics Letters*» Герцен Исаевич писал: «Я думаю, было бы несправедливо, если бы одна из двух статей, развивающих одну и ту же мысль, была опубликована, а другая нет. Если без положительной рецензии статьи в Вашем журнале не публикуются, прошу послать мою статью на рецензию проф. Коккони». После этого письма статья Г. И. Копылова была немедленно опубликована, и приоритет дубненской группы среди западных физиков был утвержден. Сейчас трудно найти статью по парным корреляциям, в которой отсутствовала бы ссылка на эту фундаментальную работу Г. И. Копылова.

В начале 1976 г. Герцена Исаевича поразил уже не первый тяжелый инфаркт от которого он так и не оправился. Правда, весной он появился в лаборатории но в июле его снова увезли в больницу с сердечным приступом. На редкую тогда операцию шунтирования он не решился.

25 августа 1976 г. Герцен Исаевич скончался.

Удивительно, что с января до августа 1976 г. Герцен Исаевич продолжал интенсивно работать. М. И. Подгорецкий и я приходили к нему в больницу, приносили нужные ему книги и журналы, обсуждали дальнейшие планы. Герцен Исаевич спешил, он чувствовал приближение конца, мы же этого по-настоящему не понимали. Свою последнюю статью о влиянии взаимодействия тождественных пи-мезонов в конечном состоянии на их парные корреляции Герцен Исаевич написал в больнице незадолго до кончины. Она была опубликована в журнале «Ядерная физика» в 1977 г. уже после его смерти. Вопросы, поднятые Герценом Исаевичем в этой статье, получили дальнейшее развитие в наших работах, выполненных совместно с чешским физиком Рихардом Ледницким. Сейчас во многих лабораториях изучаются «узкие» парные корреляции неодинаковых (т. е. нетождественных) частиц. Эти корреляции обусловлены только взаимодействием в конечном состоянии, но они, как и интерференционные корреляции тождественных частиц, также содержат важную информацию о пространственно-временных параметрах области множественной генерации частиц.

Герцен Исаевич был талантливым и ярким популяризатором науки. Его необычайная способность живо и образно излагать сложные проблемы современной физики проявилась во многих написанных им научно-популярных статьях и особенно в блестящей книге «Всего лишь кинематика» (1967, 2-е изд. — 1981), удостоенной в 1968 г. первой премии на конкурсе научно-популярных книг и переведенной на английский, испанский и эстонский языки. Следует также отметить его научные переводы — в частности, великолепный по литературным достоинствам перевод многих глав «Фейнмановских лекций по физике».

Научное творчество Г. И. Копылова не ограничивалось его собственными работами. Его влияние ощущалось и в повседневном плодотворном общении с экспериментаторами и теоретиками, в постоянных консультациях, которые Герцен Исаевич охотно давал каждому, кто к нему обращался. Он был очень открытым человеком. Он уделял значительную часть своего времени работе со школьниками, студентами и молодыми физиками. Со дня основания Дубненской физико-математической школы и практически до своей кончины Герцен Исаевич бесменно курировал преподавателей, проводивших занятия в старших ее классах.

Велико было и моральное влияние личности Герцена Исаевича, его честности и редкой порядочности. Он не любил сглаживать острые углы и непримиримо относился к любым проявлениям лжи в науке и повседневной жизни. Он был беспощаден, когда ему приходилось сталкиваться с недобросовестностью и подтасовкой научных данных (к сожалению, начальство, как правило, в таких случаях предпочитало не выносить сор из избы). Резкость его суждений о негативных сторонах современной ему действительности сочеталась с мягкостью и доброжелательным отношением к людям, со стремлением помочь им и защитить от несправедливостей. В сложное для проявления какого-либо свободомыслия время Г. И. Копылов в числе немногих сохранил гражданское мужество, открыто поддерживая движение в защиту прав человека, оказывая моральную и материальную помощь преследуемым людям. Такая деятельность вызывала резко отрицательную реакцию «компетентных органов». Г. И. Копылова предупреждали, он многим рисковал, но оставался самим собой. Настороженность властей проявилась и после смерти Герцена Исаевича. Из некролога, опубликованного в дубненской газете «За коммунизм», были вычеркнуты все нестандартные слова, характеризующие Г. И. Копылова как ученого и человека. Статья о Г. И. Копылове, написанная для «Успехов физических наук», вообще не была опубликована — центральная дирекция ОИЯИ в лице

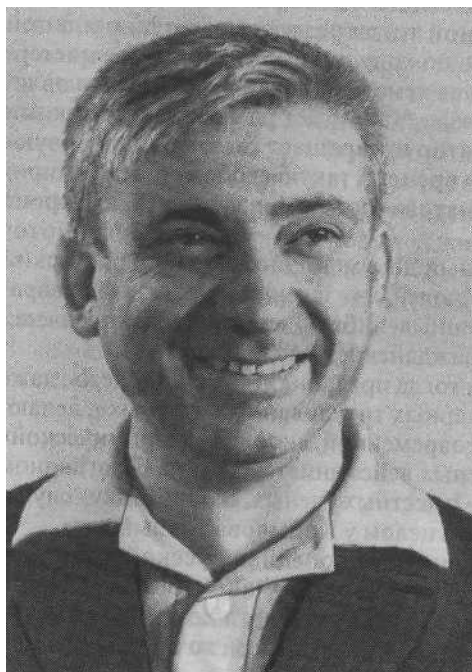
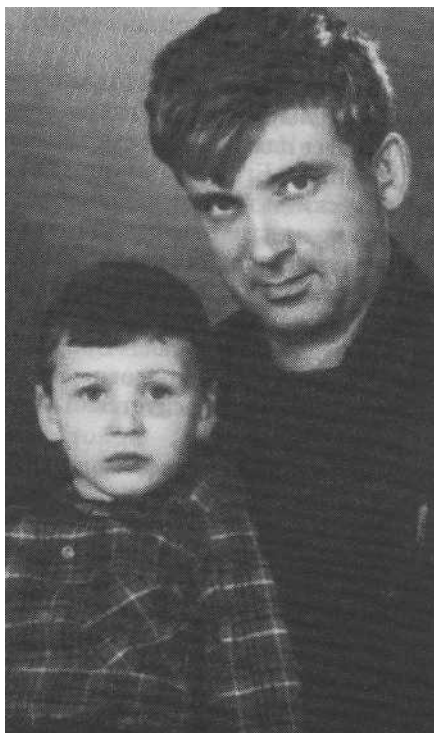
С пушком над пухлыми губами
И пиджаком не по плечам,
И с сундучком, и с сапогами —
Смешон был Женя москвичам.

Г. И. Копылов. Фото 1946 г.

Г. И. Копылов с матерью. Октябрь 1950 г.

Г. И. Копылов с сыном Геннадием. 1962 г.

Раз уперся — разогнись-ка я!
Ты прощай, дорожка узкая!
Я пойду другими румбами,
Непродуманными, трудными...

Г. И. Копылов. После 1965 г.

помощника директора по режиму отказалась утвердить протокол экспертной комиссии Лаборатории высоких энергий (при этом авторам статьи было указано на политическую незрелость).

Герцен Исаевич был многогранным человеком и никогда не замыкался в узко-профессиональной сфере. Литературное творчество занимало большое место в его жизни, и здесь для него была характерна такая же высокая планка, как и в научных исследованиях. Его литературные произведения до сих пор печатались в России эпизодически, и только за рубежом в период перестройки была издана первая книга его поэм, стихотворений и публицистики («Четырехмерная поэма и другие неодномерные произведения». Мюнхен: «Страна и мир», 1990). Будем надеяться, что в недалеком будущем все написанное этим замечательным человеком будет доступно нашему читателю. Как важный шаг в этом направлении можно рассматривать публикацию в журнале «Вопросы истории естествознания и техники» яркой и острой поэмы Г. И. Копылова «Евгений Стромынкин», которая еще с 50-х годов прочно вошла в университетский фольклор.

Е. Л. ФЕЙНБЕРГ

САТИРА Г. И. КОПЫЛОВА

Публикуемая поэма Г. И. Копылова — его первое стихотворное произведение. Этот высоко и разносторонне одаренный человек начал писать ее студентом как почти шуточные стихи, которые, казалось, можно было поставить в один ряд с беззаботными самодельными песнями туристов у костра. Но уже в пятой-седьмой строфах в описание послевоенного студенческого быта врывается гражданская тема, выраженная с совершенно необычной тогда резкостью, с официальной точки зрения даже преступной. Постепенно по ходу поэмы стихотворное мастерство автора совершенствуется, а гражданская тема усиливается. Прекрасно овладев онегинской строфой (он мне как-то сказал, что может разговаривать такими стихами, — так он вжился в эту форму), автор превращает свою поэму в бичующую сатиру большой силы. Из поэтов того времени такую свободу и непримиримость позволяла себе разве что только Ахматова (оставим, разумеется, в стороне вопрос о масштабе таланта).

В то же время это произведение — важный документ эпохи, психологический портрет молодежи того времени, молодых людей, из «зеленых и красных» превратившихся либо в подлецов, либо в равнодушных, либо во «встающих с колен», независимо мыслящих, будущих борцов за гражданские права.

Кроме того, эта поэма показывает, что и тогда преданная науке молодежь, даже с кляпом во рту, прекрасно различала бездарных титулованных «ученых», делающих карьеру на «идейной борьбе» против современной, якобы «идеалистической» науки («в урожаях весьма низких вина ученых вейсманистских»), на безоглядном конформизме вплоть до антисемитизма, — и честных ученых. В одном-двух случаях автор, может быть, и перехлестывает, но в целом у Копылова точный глаз.

Если пушкинского «Онегина» называли энциклопедией русской жизни, то поэму Копылова (он сам, следуя Пушкину, называл ее романом) можно считать энциклопедией студенческой и научной жизни послевоенного десятилетия (хотя, конечно, и в вузовской, и в научной сферах у нас были оазисы, во всяком случае в

обласканной властями физике и в других связанных с военным делом сферах; но для страны в целом, особенно на периферии, все было именно так, как описано в «Стромынке»).

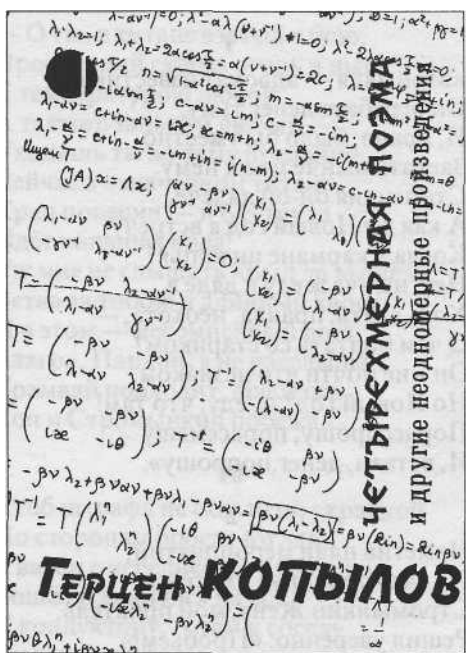
Сатира Копылова порождена не ненавистью без разбора, но болью души, страданием, которое он испытывал в атмосфере окружающей его лжи, бессовестности, преступности власти, подлости и приспособленчества людей. Поэтому он так много говорит о психологии своих персонажей.

Я не эксперт и не судья в вопросах поэтического творчества. Но меня у Копылова пленяет легкость, «полетность» стиха, который, тем не менее, в каждой строчке содержателен, а слова — емки и точны, «пустых мест» нет. Его рифмы часто неожиданны, оригинальны. Они словно припечатывают мысль.

«Стромынкин» — только начало пути Копылова как поэта. Он рос и совершенствовался. Впоследствии он написал (уже на материале Дубненского института) замечательную «Четырехмерную поэму», в которой экспериментировал с разными стихотворными жанрами, и много стихотворений. Однако направленность его блестящей и бескомпромиссной сатиры была все той же — против лжи и подлости, за чистоту души и идей, против приспособленчества и равнодушной устранинности. Он писал:

Правдивый роман запретят на Руси
Герои его раздраженные.
А я преспокойно усядусь и пси*
Помножу на пси сопряженное.

Стихи и некоторые статьи Копылова были собраны известным правозащитником Кронидом Любарским и изданы в Мюнхене, где он жил в эмиграции. К несчастью, Любарский вскоре трагически погиб, а издательство погрузилось в хаос, в котором исчез почти весь тираж книги Копылова. Сохранилось лишь десятка два экземпляров. Неужели не найдется возможности переиздать эту книгу? Мы живем уже в другое время, но и теперь стихи Копылова нужно перечитывать: и потому, что его сатира и в новых условиях, пусть по-другому, актуальна, — и потому, что они доставляют эстетическое наслаждение.

Издание стихов и статей Герцена Копылова, осуществленное Кронидом Любарским (Мюнхен, изд-во «Страна и мир», 1990). Воформлении обложки использованы фрагменты математических рукописей Г. Копылова

* Для непосвященных: греческой буквой ψ — пси в квантовой механике принято обозначать одну из основных физических величин.

Г. И. КОПЫЛОВ

ЕВГЕНИЙ СТРОМЫНКИН
(роман в стихах)— А почему оно красное?
— А потому что зелёное!*Из детской загадки***Глава первая**
УТРО**Сяду я за стол
и подумаю,
как на свете жить
с такою суммою...***А. Кольцов***1**

«Мой дядя — адвокат известный,
Он огребает денег тьму.
И, право, было бы уместно
Заехать нынче мне к нему.
Стипендия ой-ой далече,
А как же Новый год я встречу,
Когда в кармане ни копя?
Нет, нынче ж еду к дяде я...
Хоть ехать, правда, неохота, —
О чём болтать со стариком?
Он мне почти что незнаком.
Но Новый год? А, еду, что там!
Порасспрошу, порассмешу
И, кстати, денег попрошу».

2

Наметив план мероприятий,
На глаз прикинув их объем,
Стромынкин Женя, мой приятель,
Решил уверенно: «Пробьем!»
Уже успел он, вставши рано,
Обрыскать все карманы рьяно...
Но кроме серого платка,
От авторучки ободка,
Да крошек — завтраков остатка,
Да горстки радиочастей —
Верньеров, клемм и емкостей,
Да двух копеек за подкладкой,
Да пропуска в студгородок, —
В них ничего найти не смог.

3

По перечню читатель тотчас
Поймет, что, волею судеб,
Евгений — обойдусь без отчеств —
Из общежития студент.
Других же сведений покуда
О нём я разглашать не буду —
Нет времени. Стромынский люд
Проснулся. Жители спуют
По полутёмным коридорам.
Здесь в умывалку держат путь
Ребята, волосату грудь
Открыв нелюбопытным взорам.
Там девушка, надев халат,
Скользит с ведром, потупив взгляд.

4

Кто тащит булок половинки,
Кто мчится со сковородой
Из кухни... Ба, а вот Стромынкин,
Знакомый наш. Решив едой —
Едой обильной и горячей —
Заест с деньгами неудачу,
Из кубовой он налегке
Несётся с чайником в руке.
И, сев за стол, единым духом —
Не маслом, не яиц пятком —
Обыкновенным кипятком
С обыкновенною краухой
Он утолил свой аппетит —
И вниз по лестнице летит...

5

Но нет трамвая очень долго...
 Герой афиши стал смотреть,
 А я, чтоб не стоять без толку,
 Хочу чего-нибудь воспеть.
 Ведь я поэт. А все поэты
 Поют высокие предметы,
 Глаза вздымая к небесам.
 И если б Маяковский сам
 Увидел, чудом воскрешенный,
 Как сонмы членов ССП
 Гнутят осанну нараспев,
 То он воскликнул бы, взбешенный:
 «Нет, лучше, честью дорожа,
 Уйти в зверинец, в сторожа!»

6

Где, где вы, бодрые задиры,
 Где те, о ком мечтал поэт,
 Кто б нашу совесть бередили,
 Чей облик чист, в ком страху нет?!
 Куда исчезли юморески
 С неожиданной рифмой, слогом резким?
 Где гнева речь, гражданский пыл?
 — По пустякам пошёл в распыл!
 Никто теперь «Клопов» не давит,
 Чинушам «Баней» не грозит,
 Мещан никто уж не разит —
 Поэты нынче только славят,
 И будто патоки поток
 У них сочится между строк.

7

И, взглядом мысленно окинув
 Журналы, тянешься зевнуть.
 От баснописцев до акынов —
 Все воспевают что-нибудь:
 Дубняк, из жёлудя проросший,
 И выведенный скот хороший,
 Идейность пьес, гармоний вздох,
 Приоритет наш в ковке блох...
 Все сплошь поют!.. А я чем хуже?
 В холодном этом ремесле
 Я ль не смогу оставить след?!
 Предлог какой-нибудь лишь нужен...
 Да вот! Чем это не предлог?
 Я воспую... хоть кипятки!

8

Я восхищенными стихами
 Хочу воспеть тебя давно,
 Рассматриваемая нами
 В момент кипенья H_2O ,
 Остаток от поры военной,
 Студента спутник неизменный,
 Отрада долгих вечеров,
 Для тех, чей аппетит здоров,
 А утолить — не по карману.
 Твой дух, твой жар всегда создаст
 Недостающий нам балласт
 Для погружения в нирвану.
 И в честь тебя в кратчайший срок
 Создам я оду в сотню строк:

9

— О ты, в титане взятый с бою,
 Прошедший сквозь огонь и дым,
 С температурой любой,
 А также с запахом любым, —
 Уходишь ты во тьму преданий.
 Сейчас в означенном титане
 Кран поверни — и без труда
 Идёт кипящая вода!
 Уж мне не слышать «Был да вышел»,
 Встав за тобою в длинный хвост,
 И в этом — несомненный рост
 Благо... Пардон, я не расслышал:
 Трамвай подходит, дребезжа.
 Вон и Стромынкин побежал...

10

Чтоб штрафа не схватить, украдкой
 По сторонам бросая взгляд,
 В вагон с передней он площадки
 Вошёл и двинулся назад,
 К кондуктору. А там к соседу
 Он запустил глаза в газету
 И едет важно, как король, —
 Поди, поймай его, контроль!
 А впрочем, если б был замечен
 Он в том, что не купил билет, —
 Опасности большой тут нет:
 Платить-то всё равно ведь нечем!
 Езжай, Евгений, в добрый час...
 Я ж о тебе начну рассказ.

Глава вторая ГЕРОЙ

Я не был вундеркиндом, но я буду им!

Мика Бонгард

1

Он родился у вод днепровских,
И, стало быть, от юных дней
Не теснота дворов московских,
А тень садов и ширь полей
Его привычно окружала.
От пристани и до вокзала
Весь город был что сад сплошной.
Бывало, он тонул весной
В густейшем запахе акаций,
И зелени ажур сквозной,
Цветов скрывался белизной,
И от реки несло прохладцей,
И месяц, молод, но рогат,
Блестел на небе, как агат.

2

Здесь мчалось детство синей птицей
На сверхвысоких скоростях...
Ах, видно, так вся жизнь промчится,
В ушах, как ветер, просвистя.
Ты и не жил, ты только начал:
Послали хлеб купить «без сдачи»,
С друзьями в чехарду сыграл,
У деда табаку украл,
В реке без спросу искупался,
Штаны порвались на задку
(В соседском побывал саду),
С девчонкой во дворе подрался,
Разбил хозяйкино стекло, —
Глядишь, и детство протекло.

3

Бывает так в разгаре прений:
Едва оратор возвестил
О свете мартовских решений
И свору цифр на зал спустил,
Едва лишь новые задачи
Он в этом свете ставить начал,
Едва сморкнулся он в платок,
Едва отпил воды глоток,
Едва лишь красноречья пламень
В нём вдохновение зажгло,
Ан, глядь, и время истекло,
Шумит собрание «Регламент!»
И председатель — дин-дин-дин —
Колотит пробкой о графин.

4

Евгений в школе рвался к книгам
И в чаше книжной заплутал:
Охотился, глотал их мигом,
Вновь доставал и вновь глотал.
Он целиком прочёл, наверно,
Майн-Рида, Купера, Жюль Верна,
А как-то раз им был добыт
Старик «Всемирный следопыт».
«Хоттабыч» и «Гиперболоид»,
«Вратарь» и Саня-капитан
За ним ходили по пятам.
А вырос — стал читать «Былое
И думы», «Кожухов Андрей»
И Джона Рида «10 дней...»

5

Но всё ж и им пришла отставка.
Стал другом Жениным навек
Роман про Бендера Остапа,
Гроза всех нравственных калек,
Всех проявлений идиотства
(Не зря же он не издаётся).
Затем, не оставляя книг,
В радиоклуб герой проник,
Наукой заниматься начал,
Жёг пробки, схемы собирал,
Собрав, ловил на супера
Из-за границы передачу,
Где марш погромный громыхал
Под вопли «хайль» из тысяч хайл.

6

Ему лишь было интересно...
Он, как и мы, не понимал...
...И вот он грянул, день воскресный,
Всё изменил, всё поломал...
В ожесточении атаки
Рванулись на просторы танки.
Что блеск классических штыков
И пена из-под мундштуков
Пред этой оргией металла?!
И начался людей исход,
Машины двинулись и скот,
И Украина запылала,
И погибали средь огней
Мечты и счастье мирных дней.

7

Сейчас, когда он кинет глазом
 На жизнь военных этих лет,
 То только свой энтузиазм,
 Восторг салютов, гром побед
 Он вспоминает. А невзгоды,
 Испытанные в эти годы,
 Исчезли в памяти его:
 У ней уж свойство таково.
 Забыты горечь отступленья,
 Хлеб, взятый за три дня вперёд,
 В чернилках школьных синий лёд,
 Очередей оцепененье —
 Весь тяжкий ежедневный быт
 Давно и накрепко забыт.

8

Но и среди военных тягот,
 Которым не было числа,
 В нём всё осознаннее тяга
 К науке физике росла,
 К её раздольным горизонтам.
 Он бегал в школу, бредил фронтом,
 Омлет жевал, жал в поле хлеб,
 А замысел всё креп и креп.
 И вот, медалью награждённый,
 Стремясь к заветной высоте,
 Он подал в Университет,
 Уселся в поезд, и вагоны,
 Послушны зычному свистку,
 Пошли в Москву, в Москву, в Москву...

9

Вы, вероятно, их встречали —
 Попавших в первый раз в Москву?
 Как неловки они вначале,
 Что за смятение в их мозгу!
 [Им] все тут ново, чуждо, странно:
 Метро, ночные рестораны,
 Реклам неоновых размах,
 Афиш засилье на стенах,
 Таблички «Слабость половая»,
 Лотошниц у метро галдеж,
 Машины, что в жару и в дождь
 Асфальт водою поливают,
 Толпа у театральных касс...
 Едва приехав, в тот же час

10

Туда, где Кремль, туда, где предки,
 Они в метро в восторге мчат,
 На куполов кремлевских репки
 Глазеют, мнутя и молчат,
 В патриотизме страстном млея.
 Затем плетутся в галерею,
 В замоскворецкие места,
 Глядеть «Явление Христа».
 Тоскливо смотрят на иконы,
 Вздыхают на Куинджи «Ночь»,
 Затем шарахаются прочь
 От лживописцев современных
 И возвращаются назад,
 Где Репин и Крамской висят.

11

С пушком над пухлыми губами
 И пиджаком не по плечам,
 И с сундучком, и с сапогами —
 Смешон был Женя москвичам.
 Но был в нём тот задор шенячий,
 Тот неизбывный пыл горячий
 И то бесстрашие ума,
 Книг не вобравшего тома,
 Что отличает нас в семнадцать...
 ...Всех меряет на свой аршин
 С колючей прямою души,
 Не научившейся сгибаться, —
 Таков Евгения портрет,
 Таким он был... тому пять лет.

12*

Он в мир открывшийся широкий,
 Где новой жизни бьётся пульс,
 Где «лекции», а не «уроки»,
 Где говорят не «класс», а «курс»,
 Влетел стремглав, как муха в сахар.
 С надеждой пополам со страхом,
 В желании великих дел
 На мир науки он глядел.
 К ее наружным атрибутам —
 И то почтенье он питал.
 Под корешком факториал,
 На полке длинноносый Ньютон
 И замдекана борода
 Были милы ему тогда.

13

Сперва на посещение лекций
 Он массу времени терял, —
 На чтение разных Папалексей
 Да на текущий матерьял:
 Конспекты, практикум, задачи.
 Но после первой неудачи —
 Двух троек в сессию — «Плевать!» —
 Решил он и закрыл тетрадь.
 И перестал в году трудиться:
 «Что ж я, — подумал он, — пижон?»
 Своим идейным багажом
 Багаж студенческих традиций
 Признав, стал жить, как я да вы, —
 Не утруждая головы.

14

Итак, он приобрёл сноровку,
 Как жить бездумно, день за днём.
 Умел пустить на газировку
 Последний гривенник ребром.
 Зачёт — что письменно, что устно —
 Умел он сдать весьма искусно.
 Умел за шахматной доской
 Сидеть на окнах день-деньской.
 А вечером, футбольным полем
 Сменив рябь шахматных полей,
 Евгений за «Спартак» болел.
 И воплем «Сделай штуку, Коля!»
 Вдруг оглашался стадион —
 Истошный, страстный сердца стон.

15

Был парнем компанейским Женья.
 В мероприятиях групповых
 (Слыхали ж это выраженье?)
 Участие принимать привык.
 Решили, скажем, коллективом
 В кино с «Основ» сбежать ретиво
 Или в Сокольники на кросс —
 О Жене не вставал вопрос.
 На комсомольские собрания
 Он тоже честно приходил,
 Садился с книжкой позади
 И только при голосованьи
 Глаза взводил. «За большинство!» —
 Такой был принцип у него.

16

На вечерах умел картинно
 Приличий перейти порог.
 «Дубину» знал и «Бригантину»
 И «Баба сеяла горох».
 На танцах, правда, с грустным видом
 Стоял у стен кариатидом:
 Хоть танцевать он и умел,
 Но с девушками был несмел
 И им предпочитал мужскую
 Вольноречивую семью,
 Где душу отвести свою
 В свою тарелку мог, — толкуя,
 Волнуясь, мыслию горя,
 И издеваясь, и остря.

17

Он не любил беседы пресной:
 «Без перцу пухнет голова!
 Как корень в плоскости комплексной,
 Двухзначны быть должны слова», —
 Так он говаривал нередко.
 В его груди дымился едко
 Острот безнравственных очаг.
 В его речах, в его очах
 Сверкал огонь тот дерзкой мыслью.
 Смешное видеть он любил,
 На этом глаз себе набил
 (Покамест в переносном смысле).
 Шутил всегда, шутил везде
 И при удачах, и в беде.

18

Шутник уже с солидным стажем,
 Евгений не шадил седины,
 Был непочтителен ко старшим,
 Легко о них рядил-судил.
 С учёным, произвольно взятым,
 Себя держал он панибратом;
 Был запросто к Ландау вхож,
 Д. Д. не ставил ни во грош —
 Был с миром на ноге семейной
 (Такой подход отнюдь не нов.
 Я был при том, когда Леднёв
 Льва одряхлевшего — Эйнштейна,
 Собрав профессоров кагал,
 Ногой бестрепетной лягал).

19

Ну, пусть бы хаял он учёных, —
 Их учат все, кому не лень, —
 Но не жалел он красок чёрных
 На вещи, ясные как день.
 С неописуемым нахальством
 Неутвержденные начальством
 Он мысли в голове носил
 И даже вслух произносил.
 В потёмках мысль его плутала.
 Он, ко всеобщему вреду,
 Тем самым шёл на поводу
 У мирового капитала.
 Знать, факультетский комсомол
 Работы средь него не вёл.

20

Он утверждал, к примеру, будто
 Нет демократии в быту,
 Что, де, на мысль надеты путы,
 Мол, много лишних на борту,
 Мол, спину гнут и ткач, и грузчик,
 А в министерствах — толпы жрущих,
 В чьих плотоядных черепах
 Застыла косность черепах.
 Бранил он дикость миллионов,
 Культуры нашей нищету
 (Меж тем, у нас ведь на счету
 И Шостакович, и Леонов).
 И даже смел он говорить...
 Но нет, не смею повторить!

21

Идей набравшись гениальных,
 С учёным видом знатока
 «Всё это, право, тривиально»
 Любил он бросить свысока.
 Чтоб не сказали: «Сам банален!»,
 Журналы «*Nature*» и «*Annalen*»,
 Случалось, он порой листал.
 Знал про неборновский кристалл,
 Про борновское приближенье,
 Про спиноры, про вириал,
 И кто-то даже уверял,
 Что даже плазму понял Женя,
 Когда пришлось сдавать зачет...
 Но, как известно, всё течет.

22

Читал герой теперь немного.
 Но не набор газетных фраз,
 Навязших истин строй убогий.
 Им был изучен едкий Франс,
 Бессмертный Хульо Хуренито,
 Всё тот же Бендер именитый,
 И разрушительный Толстой,
 И Жюль Ренара слог простой,
 Бальзак, гипнотизёр Андреев,
 Затем флоберовский Бувар
 И «Модных терминов словарь»
 С «Портретом Дориана Грея» —
 Вот свод его любимых книг.
 Чуть не молился он на них.

23

Он поутру богам здоровья
 Чуть успевал поклоны класть
 И, обагрённый свежей кровью,
 Спешил на лекцию попасть.
 Благой совет друзьям подавши —
 Засесть от лектора подальше, —
 Он лез наверх, как на Казбек,
 И между делом вёл конспект.
 От дел, бывало ж, нет отбою,
 И он их все встречал лицом.
 Он по натуре был борцом.
 Вся жизнь его была борьбою:
 С утра — с мечтами о съестном,
 Потом, когда поест, — со сном.

24

Звенел звонок, и он с разбега,
 Бросая девственный конспект,
 Слетал со своего Казбека,
 Чтоб все дела решить успеть.
 То развлекался свежей сплетней,
 То о страде туристской летней
 С друзьями громко толковал,
 То лектора атаковал,
 Ландау клялся и Юкавой,
 А то нырял, как в водоём,
 Чтоб скуку одолеть вдвоем,
 Во взгляд девический лукавый
 И плавал целый перерыв,
 Запасы шуток перерыв.

25

Полдня так быстро пролетали,
 Ещё в столовой два часа.
 Глядишь — герой в углу читальни
 Опять учёбой занялся.
 Вот толстых книг большая стопка.
 Он к верхней потянулся робко,
 Открыл, зевнул, перелистал,
 Захлопнул, новую достал —
 И формул меченое стадо
 Погнал рассеянной рукой
 Лениво, строчка за строкой...
 А после шёл на балюстраду
 Делить досуг своих коллег,
 Готовить на концерт набег.

26

Он прежде бегал по музеям,
 В консерватории зевал,
 Был в клубе главным ротозеем,
 Певцов в театре вызывал.
 Но приобрёл багаж культурный —
 И театральные котурны,
 Рулады оперных певцов
 Забросил он в конце концов
 И охладел совсем к балету;
 Зато, своим друзьям под статью,
 Он научился проникать
 В Консерваторью без билета.
 Недавно — этой вот зимой —
 Мы с ним там были на Седьмой.

27

В кишащем, помню, вестибюле
 Собрали мы свою семью,
 Построились свиньёй, сомкнули
 Ряды и — дружно в толчею.
 Махнул контролю в давке жаркой
 Единственную контрамарку
 Один из нас... Ура! Он там!
 За ним мы рвёмся по пятам,
 Сейчас рогатки будут смяты!
 Ещё один!.. Ещё нажим!..
 Прорыв!.. И мы наверх бежим,
 Друзья с физфака и с мехмата.
 И нас, несущихся гурьбой,
 Встречает скрипок разнобой...

28

Упомянул я о мехмате.
 И будет, верно, в самый раз
 Сказать сейчас о той печати,
 Что факультет кладёт на нас.
 Из средних школ вначале вроде
 Мы все похожими приходим,
 А кончишь университет —
 И никакого сходства нет.
 Юрист в мечтах — давно Вышинский
 И только ждёт команды: «Взы!»
 Филолог выучил азы
 Ума натугой исполинской.
 Экономиста мозг разбух
 С цитат да с цифр, как гроссбух.

29

Кто там склоняется к ретортам?
 То рекордсмен-легкоатлет!
 Стал калачом историк тёртым
 По улучшенью давних лет.
 Концертных залов завсегда
 Давно уж стал студент мехмата,
 Академичен и лохмат,
 Кончает он родной мехмат.
 Географ встал в ряды туристов;
 И спайкой дружную берёт
 Геологический народ;
 Философ ходит, словно пристав:
 Всё инспектирует умы...
 Но каковы же сами мы?

30

— А ну-ка, автор, нас порадуи!
 ...И кинул я на тех свой взгляд,
 Чьё сердце — ёмкостью с фараду,
 В ком — индуктивный мысли склад,
 И сразу — к оде разогнался,
 Подстёгнут мощью резонанса,
 Который в наших контурах
 Звучит, невежеству во страх!
 Мы и работаем с азартом,
 И любим смех, и бурный спорт,
 О микромире буйный спор.
 Гуно не путаем с Моцартом,
 Явь отличаем от химер —
 Иным коллегам не в пример.

31

Друзья! Позволю я признание:
 Как свет, как смех, как дом родной,
 Люблю угрюмое создание
 Столетова на Моховой.
 И мне сравнить его охота
 С орлом, присевшим перед взлетом,
 Который взмахом мощных крыл
 Своих орлят от бурь прикрыл.
 И башней — гордою главою —
 Обозревает небосвод:
 Куда б направить свой полет,
 Куда б воспрянуть над Москвою.
 И кручи Воробьевых гор
 Орлиный привлекают взор.

32*

Физфак! Как много в этом слове
 Для сердца нашего слилось,
 С какою нежною любовью
 Оно в душе отозвалось.
 Побудешь с ним денек в разлуке —
 И подышаешь ты от скуки,
 И, нацепив дырявый плед,
 Спешешь быстрее на факультет:
 У расписанья друга встретить,
 Прослушать свежий анекдот,
 Поток рискованных острот
 Услышав, в унисон ответить,
 У стенгазеты сообща
 Ругать редактора сплеча:

33*

В передовых-де мало проку,
 Их гладкий ход от мыслей чист.
 Де-шутки скучны, как Широков,
 И плоски, как газетный лист.
 Де и заметки в ней не метки,
 Де и ошибки в ней не редки...
 Но все ж с другими не сравнить:
 Есть что хвалить, есть что бранить;
 Не то что младшие собратья —
 Сплошное серое пятно.
 Будь я деканом, их давно
 Распорядился бы содрать я,
 На всю бездарную печать
 Наклав молчания печать...

34*

— Нет, без газет все ж было б скучно...
 — К тому ж ты, друг, не Соколов!...
 — Тсс! Вот он сам, собственноручно,
 Прошел, шагая тяжело,
 Как забеременевший страус...
 И рядом, не отстать стараясь,
 Приняв подобострастный вид,
 Какой-то аспирант юлит...
 Промчал Самарский метеором...
 Прошел веселый Гвоздодер...
 Вот Фридман, старый мухомор,
 Идеиных битв боец матерый...
 Проходит Ржевкин, худ и тих...
 — Куда их гонят? Сколько их?

35*

— Ах, да! Ведь семинар сегодня
 По философии! — Вперед!
 — Постой, а пустят? — Вход свободный!
 — Вперед!... Народ за нами прет:
 Как гномы, сгорбленны, мохнаты,
 Идут научные магнаты,
 Творя приветствий ритуал.
 Подобно стынущим планетам,
 Сияя отражённым светом,
 Идёт толпою их вассал.
 Гербами в ромбиках сверкая,
 Специалистов юных рать
 Идёт скандала поджидать.
 Идёт и поросль молодая,
 Наш брат студент. Мы смотрим вниз,
 Где все светила собрались:

36*

Акулов, тензора создатель,
 Делец, а с виду Арлекин;
 Леднёв, столпов ниспровергатель,
 Тридцатилетний вундеркинд;
 Д. Д. — знаток интерпретаций
 Явлений с помощью трёх пальцев;
 Вот Власов, факультетский лев,
 Слепой фанатик буквы f;
 С ним рядом Саввич, спорщик ярый;
 Дурак Н...в; седой Ильин;
 А вот и памятника сын,
 Встав пред затихшим семинаром,
 Взметаёт вороха старья
 Академически остря...

37*

В те дни, когда на бюст у двери
Садился первый пыли слой,
Науки нашей Гулливеры
Сюда являлись. Здесь порой
Столетов выступал блестящий,
И Тимирязев — настоящий! —
Его послушать приходил.
Вавилов кванты здесь ловил.
И здесь встречали дружбой жаркой
Ленгмюра, Бора, Жолио,
Из наших тоже кой-кого:
Здесь выступал отважный Марков,
Здесь Хайкин курс махистский свой
Прочёл. Здесь и сейчас порой

38*

Сечёт рукою воздух Власов,
Семенченко нам уши рвёт,
И, речь перемежая плясом,
Свой Млодзеевский курс ведёт.
Жуя мочалу, лепет детский
Здесь издаёт Я. П. Терлецкий;
И Соколов ввергает в сон
Тьмой формул; и добряк Самсон
Киём колотит по экрану;
И Тихонов, учёный кот,
Мурлычет; жизни всем даёт
Здесь Рабинович неустанный;
И Иваненко — эрудит
По часу кряду ерудит...

39*

Бывает, здесь идёт экзамен —
И так легко ответ слизать,
Глядя невинными глазами
Экзаменатору в глаза.
Панурги наши, впрочем, бойки,
Неутомимо ставят тройки,
И я — со вздохом сознаюсь —
За лучшим баллом не гонюсь.
Мне мой покой и мил, и дорог,
Я не прельщаюсь суетой,
Как ты, отличник рядовой,
Ты, жалкий раб своих пятёрок!
Пять лет страдай, учи, зубри,
А в госэкзамен схватишь «три»...

40*

Мы отвлеклись в своей прогулке,
А в это время семинар
Не клал на свой язык охулки,
Грозя махизма семенам,
Идеализма пни корчуя...
А впрочем, хватит! Не хочу я
Касаться этих скользких тем...
Скажу лишь вот что: тьму проблем
Гоняли в жарких словопреньях:
Что глуп Эйнштейн, что сволочь Бор,
Что физик — не макроприбор,
А социальное явление;
И, осветив, пошли домой.
А тьма так и осталась тьмой!

32**

Прощаюсь я с пятью годами,
И мне придётся улететь.
Но что ж я так неблагодарен?
Ведь это ты, мой факультет,
Мне указал дорогу к звёздам.
Ты как отец. Меня ты создал,
Дал мир идей, дал слов металл,
Дал мне друзей, врагов мне дал,
К науке утвердил доверье,
К сплетенью счастья и тревог, —
А я в ответ коплю плевок,
А я готовлюсь хлопнуть дверью.
Откуда ж горечь-то во мне,
Что так и просится вовне?

33**

Чем больше ждёшь, чем веришь крепче,
Тем ярче вскрывшийся обман;
Тем горше с истиною встреча,
Чем гуще был любви туман;
Кто жить не хочет травоядно,
Тот не прощает Солнцу пятна,
Кто сам не изолгался сплошь,
Простить не смеет другу ложь.
Прощу ль тебе я, Alma mater,
Позор паденья твоего,
Имён бездарных торжество,
Идейной стирки ароматы
И улюлюканье расправ
Над тем, кто честен, смел и прав?

Глава третья ВЕЧЕРИНКА

g_{нв} да g^{нв}, а о водке ни полслова.

Денис Давыдов

**Я был свидетель умилённый
Твоих студенческих забав.**

А. Пушкин

1

Куда ж пропал с утра Стромынкин?
Он счастье сам своё ковал:
Давно уж с дядей без запинки
Он о родне потолковал;
И переход он сделал тонкий
С болезни дядиной печёнки
На свой катар, на свой бюджет —
Что праздник вот, а денег нет;
И, круглой суммою снабжённый,
Давно вернулся он домой
И в бакалее угловой
Давно распорядился оной;
Пиджак поглажен, сам побрит —
На вечеринку он спешит.

2

Идти недолго. Он у цели.
Все, видно, собрались уже:
За дверью голоса ревели,
Ревели песню о «Морже».
Но временами гасло пенье:
Под патефонное сипенье
Усердных ног нестройный шарк
Порой все звуки заглушал.
Герой вошёл и грудь расправил:
— Приветик! Можно не вставать!
Ему в ответ: — Оштрафовать!
— Критиковать! Он ждать заставил!
— Налей большой, пусть пьёт до дна!
— Да он ещё принёс вина!

3

— Какжизнь, Иринка? Здравствуй, Тоня!
И жмёт он, протерев очки,
Девчат горячие ладони,
Ребятам раздаёт тычки.
Обводит он тревожным взглядом
Бутылки, вставшие парадом

Меж виногретов на столе.
Считает... На его челе
Мелькнуло удовлетворенье,
Как свет из тучи грозовой.
Вступил он в общий разговор,
То в танец пустится, то в пенье.
Смешит других — смеётся сам.
И — то и дело — взор к часам.

4

Близки заветные минуты.
Сигнал за стол садиться дан.
И мы кой-как к нему приткнуты:
Торчком поставлен чемодан,
Сидим на койке, на кушетке,
Плечом к плечу, сосед к соседу.
Глотнув внезапную слону,
Глядим на сыр, на ветчину.
И пробок трепетную мякоть
Спешит пронзить витой металл,
И об алкающий бокал
Бутылка начинает звякать.
И, вторя ей, куранты бьют,
И все в волнении встают.

5

Вдруг тихо... Лишь одни стаканы...
Куранты бьют последний раз, —
И властный голос Левитана
Поздравил с Новым годом нас...
...Старухе, влезшей на полати,
Невесте в подвенечном платье,
Бутузу, маленьким шажком
Под стол забредшему пешком,
Двукратному лауреату,
Дрожащим нищим на мосту,
И постовому на посту,
И хулигану, и солдату,
Что в самоволку убежал, —
Всем диктор счастья пожелал.

6

Вот здесь и грянул тост за тостом,
 Плотина словно прорвалась:
 За счастье, за девчат — и просто
 За то, чтоб не в последний раз.
 Подспорье в дружеской беседе,
 С тарелок исчезают сельди,
 Сыр, хлеб, колбасы, винегрет...

И вот уж, хмелем подогрет,
 Заводит разговор интимный
 Сосед с соседкою своей.
 На вечеринке всё шумней.
 Гремит «Моржа» подобно гимну...
 «На бал!» — вдруг кто-то закричал,
 И все — горохом — в клуб, на бал!

Глава четвёртая БАЛ

**Родит же, чёрт возьми, родит
 Земля подобных Афродит.**

1

А на балу-то — духотища,
 Аж воздух сиз под потолком.
 Зал тесен, а народу тыща;
 Всем жарко, каждый под хмельком.
 Кто ни войдёт, тот так и ахнет:
 «Как, братцы, шибко Русью пахнет!»
 Толпа стоит сплошной стеной.
 Мотив раздастся разбитной
 Из радиольной хриплой пасти, —
 Заколыхается стена,
 Придёт в движение она,
 Потом рассыплется на части;
 И никого здесь не дивит
 Ни спёртый дух, ни мрачный вид.

2

.....
 .....

3

Среди толпы стояла ёлка —
 Вся в электрических цепях,
 В хлопушках, в вате, звёзд осколках,
 Как хвост собачий, вся в репьях —
 Источник воздуха лесного,
 Торжеств рождественских основа.
 Кругом ходили сторожа,
 От разграбленья сторожа.
 А на орбитах отдалённых
 Вокруг центрального ядра
 Вращались пары до утра,
 Мелькая, словно электроны,
 Своими спинами двумя
 И каблуками в такт гремя.

4

Как электроны, мчались пары
 Меж амплитудных облаков, —
 Летели девушки и парни
 И не жалели каблуков.
 В подвальном клубе на Стромынке
 Студент весёлые поминки
 По году прошлому справлял.
 И я там был, и я гулял.
 Гулял, не мудрствуя лукаво.
 То в одиночку, сам с собой,
 То в паре был, а то гурьбой, —
 Куда веселье увлекало,
 Туда и я, как колобок,
 Катился, прост и неглубок.

5

Стоял там молодой учёный —
 Сейчас я, кажется, сострю, —
 Задумчивый и погружённый
 В себя (сквозь левую ноздрю).
 Вся в шпурах, вся в функционалах,
 Вся сплошь из бесконечно малых —
 Такою жизнь пред ним текла,
 Без человеческого тепла
 И дум неясного брожения.
 Он цифры знал, не зная слов.
 Он не мечтал, не видел снов
 И был лишён воображенья —
 Сухарь от темени до пят,
 В ком разум жив, а чувства спят.

6

Он открывал природы тайны,
 В глаза природы не выдав.
 Брал интегралы моментально,
 Всё объяснить спешил стремглав.
 Он был упрямый и отважный
 Сторонник физики бумажной.
 Простим ему подобный грех!
 С чего ему быть лучше всех?
 Сейчас у нас не век атомный,
 Не век ракет, не век пластмасс —
 Бумажный век царит у нас.
 В бумажном паводке огромном
 Захлёбывается с тоской
 Воспрявший было род людской.

7

Сюда пришёл перед защитой
 Дипломной занятый студент, —
 Не раз в зачётных битвах битый,
 Небитых двух эквивалент.
 Перед завкафедрой маститым,
 Перед профессорским синклитом,
 Скоплением лысин и морщин,
 Забывших звание мужчин,
 Перед усердным оппонентом,
 Припасшим яду для атак,
 Да пред зевающей в кулак
 Своею бражкой — студентом
 Он должен был дней через пять
 Свою работу защищать.

8

В его тетради, в томной неге,
 Лежал, свернувшись, интеграл.
 Все буквы с α до ω
 Туда он, изловчась, загнал.
 Еврейских, греческих, французских —
 Всех букв хватало, кроме русских.
 Лишь кой-где было вкраплено
 «Итак», «имеем», «пусть» и «но».
 Но этой формул длинной лентой
 Он пренебрёг под Новый год.
 Его в молекул хоровод,
 Соединённых двухвалентно,
 В движений тепловых хаос —
 В толпу танцоров вальс занёс.

9

И, встав передохнуть у стенки,
 О смысле жизни старый спор
 Вели подружки, две студентки:
 «Скажи, ну до каких же пор!..
 Ведь все студенты нашей группы
 Пристойны, холодны, как трупы.
 В нас видят лишь своих друзей.
 Им ничего, а ты старей
 Да блекни, да не спи ночами.
 Болит от книжек голова,
 А мне ведь скоро двадцать два,
 Уже полжизни за плечами,
 А что я видела пока?..
 Учиться — долго, жизнь — кратка».

10

Подруга утешала мрачно:
 «Женитьба тоже не сладка.
 Пусть даже любишь ты удачно,
 Но если видишь, что близка
 К своим стремлений завершенью,
 Что счастья стала ты мишенью,
 То всё равно — беги бегом,
 Сопrotивляйся, как мегом.
 Не тяготей к путям избитым.
 Подумай над своей судьбой
 И лучше будь сама собой.
 Не подмени науку бытом.
 Представь семейный свой уклад,
 Когда в повестке дня стоят

11

Не измерение альбедо,
 Не защемлённая консоль,
 А варка кофе и обеда
 И стирка... этих их... кальсон...
 Глядишь — и курс наук зачёркнут,
 И вместо сессии зачётной
 Семейной жизни тянешь гуж.
 А уж к тому ж жена и муж
 По разным комнатам ютятся;
 Встречаются лишь днём; двоим
 Уединиться негде им;
 А дети, как на грех, роятся,
 Напоминая всем спроста
 Факт появления Христа».

12

...Они дружили дружбой давней,
А были разные совсем.
Что дружба? Если есть нужда в ней,
То подойдёт любой сосед.
Одна — науку грызть устала,
Она того...она мечтала
Со счастьем вытащить билет
И жить без мыслей и без бед.
А у другой был голос грубый,
Спортсменки стать, цветущий вид.
И головой не инвалид.
Но инвалидом пятой группы
Прозвать пришлось её друзьям:
В анкете был у ней изъян.

13

Я знаю — *verbum est argentum*,
Но так и рвётся изо рта
Рассказ о том, как по анкетам
Людей мы делим на сорта.
Дурак я вырос ли, невежа ль, —
Но если за границей не жил
И нет там у меня друзей,
И по рождению не еврей,
Не исключался, не судился
Ни я, ни дети, ни жена,
И тётка прав не лишена,
И брат в плену не находился, —
Тогда гожусь я в первый сорт,
Могу достичь любых высот.

14

Она ж, предмет второго сорта,
Знать не желала свой шесток,
Не занялась продажей сока,
И не пошла служить в Мосторг, —
Что для людей с таким недугом
Сльвёт законным жизни кругом,
А шла в науку. Скольких сил
И выдержки тот путь просил!
Мир, отведённый ей, был тесен,
Как гетто в средние века, —
Без слов родного языка,
Без книг, без музыки, без песен, —
И отверженьем заклеимён
В свободном обществе племён.

15

...Брюнет в мазурке вёл дивчину.
Его отец был чаевод
И слал на пропитанье сыну
Две тыщи в месяц, двадцать в год.
А сын, развратник и бездельник,
По целым дням сидел без денег,
Тоску сгоняя коньяком.
Но в положении таком
Он не терял минут напрасных:
Про наше дивное житьё
Писал статью он за статьёй,
Чтоб их в газету дать на праздник.
В них он писал, что без забот
Живёт студенческий народ.

16

Что лишь на сцене оперетты
Студентов нищих и видать,
Что мыслью мы одной согреты —
Все силы Родине отдать,
Что мы стремимся к знаниям прочным...
...Он фраз таких полки построчно
Выстраивал, как генерал,
С равнением на гонорар.
Но в развлеченческом масштабе
Был он умельцем хоть куда:
Прост, обаятелен всегда,
Глазами жгуч, душой похабен;
Блистал на пьянках тамадой,
Как бог ахейцев молодой.

17

Литературный критик громко
В углу писателей хулил.
Он слыл Белинского потомком,
Хотя на самом деле был
Ценителем макулатуры,
Душителем литературы
И осквернителем могил.
Он литры перевёл чернил
На то, что критикой обычно
Зовут (а век назад звалось
Прямым названием — «донос»)
И в книгах он искал привычно
Не правды жизни, а идей,
Стахановцев, а не людей.

18

Такой подход влиял на многих.
 ...В тот год был сильный недород;
 Сдав госпоставки и налоги,
 Колхозы чахли. Гибнул скот,
 Крестьяне в город разбегались...
 ...Писатели ж соревновались
 В том, кто опишет горячей
 Жизнь эскимосов и чукчей,
 Культурность их, пристрастье к школам,
 Их косторезов ремесло.
 Да, чукчам больше повезло,
 Чем вымершим молдавским сёлам,
 Грузинским вымерзшим садам,
 Вокруг Полтавы хуторам,

19

Чем нам с тобой везёт, мой друже:
 Ведь нас, по книжкам судя, нет!
 Хоть раз ты в книге обнаружил
 Таких, как ты да твой сосед?
 Отнюдь! Изящная словесность
 Нас обрекла на неизвестность:
 Раз мы не передовики —
 Не стоим мы её руки.
 Она стремится к идеалам,
 И возбудить её восторг
 Способен разве лишь парторг.
 Куда уж нам, обычным малым!
 А дать по роже подлецу
 Ей, право, просто не клицу.

20

Представь далёкого потомка.
 Что в книгах он о нас прочтёт?
 Узнает правду ли о том, как
 Любой из нас сейчас живёт,
 Как ест, болеет, шутит, плачет?
 Словесность всё переиначит.
 И, веря ей, потомок наш,
 О нас такой ты отзыв дашь:
 «На фестивалях всё плясали,
 Вели строительство дворцов,
 Крепили фронт за мир борцов
 Да рапорты вождю писали!
 Не люди — львы! орлы! киты!»
 Не верь! Мы — люди, как и ты.

21

Мы так же верим в мощь прогресса,
 А он всё так же бестолков.
 Страх смерти прячем за завесу
 Того же хлама пустяков.
 Когда ж захочется ругаться, —
 Все те же языка богатства
 И так же много медных лбов.
 Та ж чистота, и та ж любовь,
 И те ж святые, те ж мерзавцы.
 В ходу идейный абордаж,
 И нетерпимость в мире та ж,
 А вместо счастья — те ж эрзацы,
 И честолюбий та ж игра,
 И то же завтра, что вчера...

22

...Ублюдок плановой системы,
 Скользил здесь спекулянт и хват,
 Уменьем проникать сквозь стены
 Напоминавший γ-квант.
 Что не достать по магазинам —
 Лишь пальцем шевельнув мизинным,
 Он враз достанет и продаст.
 А рядом с ним, ему в контраст,
 Сиял китаец взглядом чистым.
 Как комсомольцы первых лет,
 Он в Маркса верой был согрет.
 Худой, как пальцы пианиста,
 Прямой, как строчка дневника,
 Не знал он веры в полнакал.

23

Не поддаваясь вражбим козням,
 Повсюду свой таящим меч,
 Хотел он вновь гореньем поздним
 Светильник гаснувший возжечь.
 Наш мир он сравнивал с каверной,
 Наполненною всякой скверной,
 И с хирургическим ножом
 Готов был лезть он на рожон.
 Но дядя Сам ловушки ставил...
 Ох, эти происки врага!
 Свои показывал рога
 Со всех углов заморский дьявол.
 Был дух его и там и сям —
 Везде тайлся дядя Сам...

24

Тот дядя Сам то напивался
И песни глупые вопил,
То нас кружил под звуки вальса,
То у буфета пиво пил.
Под дудку империалистов
Он рок-н-ролл плясал, неистов,
Эксплуатируемых масс
Проклятья заглушить стремясь,
Идейки протащить пытаюсь
И нанести стараюсь вред.

.....
.....
.....
.....

25

Стоял здесь бодрый, всех надменной,
Идей новейших проводник.
В идейной стирке, в грязной пене,
Как Афродита, он возник
И всплыл наверх дерьмом плавучим...
...В те дни звучал, как гром из тучи,
Как духовых оркестров медь,
Приказ: «Патронов не жалеть!»
И он не пожалел патрона,
Сказав, что тот — космополит,
И что патриотизм велит
Быть с таковыми непреклонным,
И что патрон, как дважды два, —
Иван, не помнящий родства...

26

Шеф пал, подстреленный, как утка,
Своим питомцем в пять минут:
Был парень чист от предрассудка,
Что люди совестью зовут;
Из молодых он был, да ранний;
Затем, не пожалев стараний, —
Где крокодилом, где хорьком —
Успешно переполз в горком.
И был готов арапом наглым,
Опять ВПЕРЁД и ВЫШЕ лезть
На двух коньках: нахрап и лесть.
Друзей, врагов считал он тяглом,
На спинах чьих, горласт, мордаст,
Он коммунизм себе создаст.

27

Он мог бы, в чайни награды,
Загнать безвинного под суд,
Взвести абсурд до чина правды
И право превратить в абсурд,
А в урожаях весьма низких
Винить учёных вейсманистских,
Крестьян оставив без порток, —
Венец творения, итог
Развитья сталинской эпохи,
Когда молчали все края
И жизни жаркая струя
Застыла, как литьё в опоке, —
Лишь рабский труд и ханжество
Своё справляли торжество.

28

Приспособленье, учит Дарвин, —
Всеобщий жизненный закон,
И Чарльзу каждый благодарен,
Кто с нашим временем знаком.
Мы приспособиться сумели
К движению к великой цели:
Колхоз — к доходам нулевым,
Официанты — к чаевым,
К своим постам, к машине личной —
Номенклатурное лицо,
Вожди — к обилию льстецов,
Народ — к обилию «Столичной»,
К потёмкам — мысль, к сиропам — вкус
И к ленинизму — «Краткий курс».

29

Наш мозг и нынче — крематорий
Идей, отравленных враньём,
Когда ж покончим с дремотою,
Наследьем сталинских времён?
Живём в себе мы, как улитки.
Заветов ленинских реликты —
Горенье, правда, простота —
Их слой наносов растоптал.
Нет веры в то, о чём мечталось,
За что отцами кровь лилась,
И не задор в груди у нас,
А равнодушие, усталость;
Лишь по субботам — мат да визг.
«На всё плевать!» — вот наш девиз...

30

...Держал нос по ветру философ.
Он, доктор флюгерных наук,
Смотря какой в ходу был лозунг,
Метался с севера на юг.
Собой отвратен был философ:
Застыл среди ресниц белёсых,
Заледяной бронёй очков
Недвижный взгляд пустых зрачков.
Был безголос он, как Утёсов,
И профессионально глух.
Из чувств — один лишь только нюх
Имел описанный философ.
Сознание заменив чутьём,
Он жил отличным бытиём.

31

«Не слишком многоль чёрной краски? —
Швырнёт читатель мне упрёк. —
А где же светлые участки,
Зачем их в дело я не впряг?
Где те, чей лик умыт и светел?
Слонов-то автор не приметил!
Не захотел сыскать алмаз
Среди общественных гримас!»
Отвечу я, слезу размазав
По огорчённому лицу:
«Мне, к сожаленью, не к лицу
Мундир добытчика алмазов, —
И так их много развелось, —
Кому ж тогда таскать навоз!?»

32

...Здесь был уроками живущий
Голодный вечно фронтовик,
На бой за знания идущий,
Как на врага идти привык...
В тот вечер, влюбчив и доверчив,
Он, точно смерчем, был заверчен
Девичьей ветреной красой,
Опутан пепельной косой.
Весь зал собою потешая,
Он не сводил с любимой глаз...
...Здесь веселился горный ас,
Знаток Кавказа и Тянь-Шаня,
Нашедший в диком том краю
Вторую родину свою.

33

Он знал, он ведал, что такое
Высот восторг, небес простор,
Уступ, дрожащий под рукою,
И склон, где снег скользит пластом,
Усталость до седьмого пота —
И ощущение полёта,
Когда рюкзак снимаешь с плеч,
Ручьёв журчанье, речек речь
И грозных трещин ледниковых
Бездонная голубизна.
И песен множество он знал —
Бесстыдных, грустных, бестолковых —
И стук зубовных кастаньет,
Когда ночуешь на стене,

34

Когда все песни перепеты,
Все шутки произнесены,
А расстоянье до рассвета —
Как расстоянье до Луны.
Он не искал почёта, выгод —
Искал для силы духа выход
И дружбы, что прочнее скал, —
И здесь нашёл он, что искал.
Собой облезлый, некрасивый,
Носатый, словно пеликан,
Сердца друзей он привлекал
Той непосредственностью силой,
Той чувств прозрачностью до дна,
Что, скажем, в Робсоне видна...

35

.....
.....

36

Была здесь Трифонова Нина, —
На миг дыханье ей верну! —
Которая меня пленила,
И было сладко в том плену.
Девчонка с Южного Урала,
Она меня завоевала
Своей прекрасной простотой,
Своей уральской красотой.
По улочкам Преображенским
И по Матросской Тишине
Мы с ней скитались в тишине,
Бродя в задумчивом блаженстве...
Какой же мир, какая ж тишь
Среди могил, где ты лежишь!

Глава пятая
ИРИНА

Учиться, учиться и учиться.

Н. Хрущёв

1

Есть (я знакомлю вас с Ириной),
Есть на Козихе, за прудом
Доходный дом один старинный
Во весь квартал... Огромный дом,
Кирпично-красные каюты.
Тут без претензий, без уюта
Студенты жили издавна.
Потом сменились времена.
Вселились прочно в эти кельи
Врачи, работники пера,
Певцы, портнихи, шофера,
Рантье, пространщики, лакеи,
Проводники, учителя,
Три метра на душу деля.

2

Был Ирин предок педагогом.
Здесь он и жил, уча детей
Местоименьям и предложениям
Лет двадцать кряду. А затем
Зимой тридцать седьмого года
Объявлен был врагом народа,
Приговорён к восьми годам,
Отправился на Магадан,
Там отбыл срок. Когда ж, без гроша,
В лохмотьях, он спешил зимой
На крыше спального домой, —
В борьбе за место наземь сброшен
Был на ходу пинком ноги —
И под колёсами погиб.

3

Сквозь свежих истин лабиринты
Всплывут, бывает, по ночам
Воспоминанья у Иринки —
Как на неё отец ворчал,
Как шлёпал и водил на ёлку.
Рассказы вспомнит про маёвку,
Про суд, про ссылку, про Сибирь,
Как друг в побеге подсобил
И как отца, когда казачий
Разоружали эшелон,
Снаряд контузил тяжело,
Как выжил, в школу был назначен,
И напоследок мозг разит
НКВД ночной визит,

4

Отца слова: «Ну, что ж, берите...»
Как лай, короткий мамин вскрик.
...Блуждает Ира в лабиринте,
А выход заперт, выход скрыт,
Никак не сыщёт нужной двери,
А и найдёт, так не поверит.
Ей солнце застит кривды чад.
Призывы власти же звучат
Парадно, живо и речисто.
Их ей не вынести парад:
Прошла невинности пора.
Отвратно, лживо и нечисто
Их прежний выгладит престиж:
Потери веры — не простишь!

5

А утром, смотришь, без натуги
Ночной кошмаружезабыт —
Не тронута нутро натуры
У Иры ржавчиной обид.
Давай смеяться, петь и стряпать,
Чертить, сдавать «Основы» на пять,
Бельё стирать, стихи учить,
В бюро скучать, коньки точить —
Не девушка, а воплощенье
Мечты новейшего вождя:
Зубрит усердно, в вуз придя,
И не вдаётся в размышленья:
«Куда ведут? Какой ценой?
И не короче ль путь иной?»

6

Красноречив новейший зодчий,
Когда — собрание случись —
В пылу заботливости отчей
Твердит: «Учись, учись, учись!
И зря в политику не суйся!
Не для того свои ресурсы
Тебе даёт рабочий класс,
Чтоб ты плевал в иконостас
И раздражал больших сагибов,
Чтоб изощрял свой интеллект
На протяженьи пяти лет
Среди уклонов и загибов,
Среди нетоптанных дорог.
Стране не нужен демагог!»

7

И всё же мы встаём с коленей.
 Мы не трезвоним, не кричим,
 А ищем смысла у явлений
 И связи следствий и причин.
 Клеймят нас кличкой демагога,
 Сулят казённую дорогу,
 Но как плечами не пожать:
 «Довольно нас уже пужать!
 Отец, отец, оставь угрозы,
 Они, ей-право, невпопад.
 Ведь юность — не гомеопат,
 Не делит истину на дозы.
 Пусть глупо лезть нам на рожны,
 Но правду всю мы знать должны».

8

Вполне лояльная по виду,
 Ирина пережечь смогла
 Изгогу собственной обиды
 На жажду общего тепла.
 Смеясь над властью Гименея,
 Лишь к правде страстью пламенея,
 Она ценила у ребят
 Критический и трезвый взгляд.
 И оттого-то так внимала
 Потоку Жениных острот,
 И этот умственный фокстрот
 Не тяготил её нимало,
 Как тяготил других порой
 Своей бенгальскою игрой.

9

Он ей казался страшно смелым:
 За словом он в карман не лез.
 (А между фразами и делом
 У нас исчез дремучий лес.
 В начале мира было слово,
 Оно ж — всех наших дел основа.
 А делу — только и делов,
 Что фактом быть в поддержку слов.)
 Когда с безнравственной ухмылкой
 Всё то, что свято, он чернил,
 Она шептала: «Как он мил!
 Как он умён! Какой он пылкий!
 Как тяжело взирать ему
 На окружающую тьму!»

10

Лицом она была приятна
 И с тальей тонкой, как струна,
 Как кошка белая, опрятна,
 Как математика, стройна.
 Чуть вздёрнут нос, в глазах смешинки,
 А губы — словно две снежинки,
 Как два несмятых лепестка
 Полуоткрытого цветка.
 И в эту ночь, среди сверканья
 Полупритушенных огней,
 Был шарф сиреневый на ней
 И платье из легчайшей ткани —
 Тот сорт, в котором на просвет
 Весь виден тела силуэт.

11

Евгений — мы уже сказали —
 С девчонками молчать привык.
 Но в этот вечер, в этом зале
 Обрёл внезапно он язык,
 Он даже увлекаться начал,
 О бале, о гостях судача.
 Желчь разлилась в нём. Впал он в раж.
 А всё C_2H_5OH —
 Затейник многомиллионный,
 Замена фильмов и газет,
 Могучий вклад в страны бюджет.
 Молол, парами вдохновлённый,
 Евгений перец эпиграмм
 (И мне отсыпал с килограмм).

12

...И вот танцуют Женя с Ирой.
 В полупространстве взор застыл.
 Мелькают — успевай, фиксируй —
 Улыбки, стенгазет листы,
 Усы, философы, погоны,
 Медали, лысины, колонны,
 Китайцы, клипсы, кисея,
 У стойки с пивом толчея,
 Причёски модные тарзаньи,
 Плафоны, шеи, жемчуга,
 Семиты из Кременчуга
 И самородки из Рязани...
 Смолкал и снова лязгал джаз, —
 Они не слышали, кружась.

13

Гляжу я — мой герой растерян,
 В нём что-то новое горит.
 Уже не треплет про гостей он,
 А комплименты говорит.
 Как будто струйками озона,
 Как будто закисью азота
 Его внезапно обдало —
 Тревожно сделалось, светло.
 Смело барьер. И сразу стали,
 Как речи, руки их смелы,
 Как руки, взор они сплели,
 Как взоры, речи их блистали.
 Так пролетел, должно быть, час,
 В угаре увлечения мчась.

14

Но есть недуг, которым болен
 Класс образованных людей,
 Кто лишь по книжкам — в вузе, в школе —
 Искусством жизни овладел.
 Мы импотентны к чувствам свежим,
 На компоненты мы их режем.
 Мы вспомним, глядя в потолок,
 Страстей подробный каталог,
 Намёк на страсть едва учуяв,
 Смекнём: «Откуда вдруг она?
 И кстати ль? И на что годна?»
 Как негра, мы её линчуем
 И неразменный рубль души
 Шутя меняем на гроши.

15

Кто так, по-книжному, воспитан,
 Тот поневоле Арлекин.
 Из лоскутков себя кроит он,
 На каждый клея ярлыки.
 Не ступит шага по-простому —
 Всё по Руссо, всё по Толстому.
 Полсотней слов определив
 Любой сердечный перелив,
 О чувствах судит он умело.
 Хоть самому-то, может быть,
 И не придётся полюбить,
 Но помнит, как любил Ромео.
 Не знает счастья жить сплеча.
 Вполсилы радость и печаль.

16

Нет, как бы вы ни распинались
 О пользе мозговых фибрилл,
 Всё разведующий анализ
 Вреда немало натворил.
 Вот и сейчас! В мозгу у Жени
 Нейронов началось движение,
 Заволновалась кора:
 «Гляди! Любовная игра!
 А с кем? Что в Ире есть? Немного:
 Смешлива, сдержанна, нежна —
 Такая ли тебе нужна?
 Прикинь!» И под пустым предлогом
 Расставшись с девушкой своей,
 Евгений вышел из фойе.

17

Ушёл. Исчез. Во тьме он скрылся.
 Лишь еле слышно снег хрустел.
 Весь свет пред Ирою затмился.
 Ночного бала карусель
 Скучна ей стала и противна.
 И вальс, и путы серпантина,
 Оскалы лиц, шуршащий шёлк —
 Ах, ах, к чему? Ведь он ушёл...
 И мысли ею овладели —
 Уйти самой. Скорей уйти
 От джаза, масок, конфетти,
 Скорей забыться сном в постели,
 Забыть и взгляд его, и речь...
 Скорей в постель! Скорее лечь!..

18

...Высоко над двора квадратом
 Шло продвижение светил.
 И месяц дворником завязтым
 Меж них порядок наводил.
 Кого зажжёт, кого потушит,
 Кого сомнёт своею тушей,
 Кому, свою превьсив власть,
 В сердцах велит с небес упасть.
 Как светлячки с болот полесских,
 Как символ счастья — семь слонят,
 В плену планет плыл плот Плеяд,
 Сплошь в млечной пыли, в бледном блеске.
 Вздохнул Евгений: «Хорошо!
 Как хорошо,... что я ушёл!»

19

Вот только Иру я обидел...
 Пойду-ка спать... Да нет... Постой...
 Какая ночь!.. Гляди... Юпитер
 Перемигнулся со звездой...
 Вот шёпот слышится снежинок...
 Вот на ноге моей ботинок
 Ведёт с коллегой перескрип...
 Вот шепчутся верхушки лип...
 Но почему ж и я с Ириной
 Не мог вот так всю ночь провести:
 Низать намёки, шутки, лести
 Одной цепочкой, длинной-длинной...
 Ей руку жать, ответа ждать...
 Вернуться, что ли, наверстать?..»

20

Линял, линял под звёздным ливнем
 Острия до кончиков волос.
 Иные чувства завелись в нём,
 Безверье старое рвалось...
 Впервые ум, к смешному чуткий,
 Не отозвался новой шуткой,
 Когда, оборотясь назад,
 Он повстречал её глаза.
 Она была в своём наряде, —
 С рукою, вдруг прикрывшей грудь,
 С лицом, испуганным чуть-чуть, —
 Подобна сказочной наяде...
 Что было дальше, умолчу:
 Мне лирика не по плечу!

Глава шестая

ВЕСНА

Энтропия мира стремится к максимуму.

Вредное высказывание

Энергия не создаётся и не уничтожается, а лишь переходит из одной формулы в другую в равных количествах.

Ответ школьницы на экзаменах

1

День стал длинней, а солнце выше.
 Снег жух. Дымок со стен парил.
 Немытый март, зевая, вышел,
 Весне ворота отворил.
 В панель ударил гром капли.
 На чердаках коты запели.
 Звеня, летят сосульки с крыш.
 Челнок в ручей пустил малыш.
 Сверкают лужи и витрины.
 Не усидишь никак в дому.
 Ведь полушарию всему
 Весна устроила смотрины,
 Решив: «Вступаю в новый брак!
 Мир хоть и кругл, а не дурак.

2

Конечно, стар, живёт по-свински,
 Но мне своим упорством мил.
 Ему уже покорней сфинксы
 В природе затаённых сил.
 Добыл он электронный разум.
 Чумную выветрил заразу.

Ещё у тяжести в плену,
 Уже собрался на Луну.
 И даже Солнце, если хочет,
 Из водорода смастерит.
 А то, что нищ весьма старик,
 Его нисколько не порочит.
 Пять миллиардов лет не в счёт —
 Он в люди выбьется ещё».

3

С той ночи протекли недели.
 Переменился мой герой, —
 Ведь чувства в нём не охладели.
 Теперь с обычной частотой
 В один и три десятых герца
 Не бьется у героя сердце —
 Повыше герцев на полста
 Отныне сердца частота.
 Как камень, тяжелы, весомы,
 Владеют страсти им. Они
 Запретны (словно в наши дни
 Аллели, гены, хромосомы),
 Сгущают кровь, туманят мозг,
 А волю превращают в воск.

4

Теперь ему не до учёбы,
Хоть сессия — рукой подать.
Всё ищет он предлогов, чтобы
Свою Ирину повидать.
То книжку у неё попросит,
То, смотришь, словно невзначай
Её у входа повстречал.
То, формул-де не понимая,
Как распоследний дуралей,
Учить с ней сядет в параллель —
И спинку стула обнимает,
Мечтая о её плечах.
Любовь — всех дел его рычаг.

5

Он ходит с ней в кино, в концерты.
Его я даже уличил,
Что в ресторан однажды в центре
Он с нею как-то заскочил.
Но он взглянул на цвет столицы,
Сюда пришедшей веселиться,
На дармоедов молодых,
На офицеров испитых,
Недоучившихся артисток,
Которым только и забот,
Что сделать вовремя аборт,
На кучу личностей нечистых —
Эпохи третий эшелон,
Отплюнулся — и вышел вон.

6

Ведёт пред Ирой он парадом
Заветный строй своей души.
Любовь к язвительным тирадам
В себе он сходу потушил.
Лиричный ходит он, весенний —
Типичный стал Сергей Есенин,
И даже к двери кабака
Его порой влечёт слегка, —
Когда невысказанной страстью
Евгений больно уж томим,
И сердце тянется к другим
Словам, чем «ну», «пока» и «здрасьте».
И я, живя с ним, подмечал:
Он спать стал плохо по ночам.

7

У Иры тоже масса хлопот.
Она в любовь вовлечена.
И, как свидетельствует опыт,
Растёт любви величина.
Она под Жениным конвоем
Охотно ходит. И освоен
Успешно ею целый ряд
Коронных Жениных тирад
Про партию, про бюрократов.
Но что за вздор? Пропал, исчез
К подобным темам интерес,
А ждёт она любовных клятв.
Кладёт на Ирины мозги
Любовь последние мазки.

8

Но клятв не слышно. С виду Женя
Доброжелательно шутив.
Внутри ж его просты движения:
Прилив — отлив, прилив — отлив.
То чувств нескромных вереница
В душе взволнованной теснится,
А он, слепой, за их толпой
Крадёт скользящей тропой.
То созывает новый пленум
Своих желаний и надежд
И вдруг, решителен и свеж,
Пренебрежёт сердечным пленом.
То движется вперёд, то взад.
То против голоснёт, то за.

9

Читатель, нервничать не стоит,
Гляди на дело веселей.
Вся наша жизнь из синусоид,
Из асимптотик Бесселей.
Всё перемененно. Вещь любая
Испытывает колебания:
И напряжение в сети,
И смысл передовой статьи...
Земля с прецессией вертится.
Блуждает азимут пути,
Которым сказано идти.
И даже мелкие частицы, —
На что уж свойствами бедны, —
И те имеют вид волны.

10

Нас колебания всех тревожат,
 Никак мы их не сокрушим.
 Я перешёл недавно тоже
 На колебательный режим.
 Брожу в сомнении туманном:
 Что делать с Женей и романом?
 Хоть до конца рукой подать,
 Но как его, конец, подать?
 Колеблюсь, словно на рессоре:
 Куда тянуть поэмы нить?
 Рассорить их или женить?
 Час неровён, как раз рассоришь,
 А уж не дашь обратный ход,
 И энтропия возрастет.

11

«В волнениях мировой стихии
 Один закон неотвратим —
 Закон о росте энтропии,
 Когда процесс необратим,
 Когда поступка не исправишь,
 Назад вернуться не заставишь.
 А смысл энтропии прост:
 Её неуправляемый рост
 Есть девальвация природы.
 У ней, проклятой, цель одна:
 События исчерпать до дна,
 На тепловые переходы
 Сведя и в смерти растворив
 Вселенной творческий порыв.

12

Борись со смертью тепловою,
 Необратимо не решай.
 Сперва раскинь-ка головую,
 И лишь раскинув, — совершай».
 Так думал я однажды в мае,
 Когда, финал изобретая,
 Бродил, бездарный, как Сурков.
 Фотогеничных облаков
 Ватаги плавали, белея.
 И небо мая над Москвой
 Напоминало синевой,
 Что справедлив закон Рэлея.
 Но тут небесный горновой
 Закрыв источник огневой,

13

И подползла с востока темень
 И облака приволокла,
 И, словно искру высек кремь,
 И, словно нож из-за угла,
 Ударил дождь. И дружно грянул
 На город град округлых гранул,
 И ахнул, граждан поразив,
 Грозы разбойничий призыв.
 Я спешно скрылся от стихии
 В подъезд стромынский боковой.
 И вдруг, приткнувшись в таковой,
 Услышал я слова глухие.
 Я замер... Всё жарчей, жарчей
 Журчал в ночи речей ручей.

14

Монолог Евгения

«Вновь солнце рыжим тараканом
 Сползло по стенке голубой, —
 И день прошёл, как в воду канул.
 А я опять молчал с тобой.
 Листва любит росою —
 Так каждый миг твоей красой
 Любуюсь я, и не хочу
 Спугнуть тебя, и вот — молчу.
 И улиц шум, и тишь читален
 Я в мысли о тебе одел.
 Наполнил о тебе мечтами
 Свой каждый шаг и каждый день.
 И средь занятий, средь забот,
 Средь книг и формул — чуть помешкай,
 Чуть оторвись — и враз встаёт
 Твоё лицо, твоя усмешка
 И взрывы смеха твоего,
 И строй обдуманной причёски,
 И голосок твой боевой,
 И интонаций отголоски...»

(Илья Пророк хватил по туче.
 И я промок. И град поштучно
 Просыпался. И ветер жал.
 А Женя дальше речь держал.)

«...С тех пор, как побывали мы
 В гостях у ночи и зимы, —
 Я не могу. Я брежу ими —
 Глазами ясными твоими,

Твоей тяжёлою причёской,
 Всей красотой твоею броской...
 ...Улыбка в тонких губ концах
 Едва заметная тaitся —
 И вдруг вспорхнёт, как будто птица,
 И заиграет, заискрится
 На каждом мускуле лица.
 И я за грацией ленивой,
 Спокойным взглядом милых глаз
 Угадываю ту же живость,
 Что и в улыбке прорвалась.
 Идёт взлетать твоим ресницам,
 Твоим зрачкам идёт дрожать.
 Тебе ж самой — мне ночью снится,
 Дневную явь опережать.
 И больше воли укреплением
 Я заниматься не могу,
 В необходимом отдалении
 Держась на каждом на шагу...»

(Так Женя говорил невесте.
 А я стоял, таясь, в подъезде.
 А дождь по Язуе плясал,
 А ливень молнии кресал...)

«...Какой отравой опоила?
 В какую чашу завела?
 Каким пожаром опалила,
 Сжигая прошлое дотла?
 Я думал, что, привычки ради,
 Сумею тот огонь задуть,
 Что выйду я на прежний путь,
 Что отыщу противоядь,
 Но стоит мне поймать при встрече
 В руки пожатье, в блеске глаз
 Тень слабую возможных ласк,
 Любви желанное наречье, —
 И вновь гремят её раскаты,
 Опять я пью её озон,
 Опять я вижу, что близка ты,
 Что длится мой нежданный сон,
 Что мерю страсть я веской мерой,
 Что верю в счастье детской верой

И не хочу искать иного:
 На одного и так мне много,
 Давай разделим на двоих», —
 Воскликнул горячо жених.
 Потом помедлил и добавил:
 «Дели же! Всё в руках твоих:
 Свершение моих желаний,
 Крушение моих надежд,
 Мой поздний взлёт, закат мой ранний,
 Сил жизни чувственный мятеж».

15

Прорвало выдержки плотину.
 Любовный поезд дал свисток.
 Покинув зимнюю квартиру,
 Наверх полез любви росток.
 Кипит любовная реторта.
 Летит любовная моторка.
 Мчат, отпустивши конуса,
 Любви четыре колеса.
 Суля влюблённым непогоду,
 Любовный гром покоя расторг.
 На стратегический простор
 Любовный танк прорвался сходу,
 Его огонь, его металл
 В труху приличья разметал...

16

О ты, весна, Земли царица!
 Ты топишь вечные снега,
 Заставишь реки ты разлиться,
 Залить луга на сотни га.
 И небо — нежною постелью,
 Поля — зелёною постелью
 Покроешь ты. Швырнёшь в зенит
 Ты жаворонка — пусть звенит.
 Ты в малой луже отразиться
 Заставишь лес и небеса.
 Да что там небо! Что леса! —
 Смогла заставить ты забиться —
 Пусть ненароком, пусть слегка —
 Пустое сердце остряка!..

Глава седьмая
ФИНАЛ

Rp.: Sic transit gloria mundi!

*А. П. Чехов***Пора кончать точить балясы.
Пора начать сводить балансы.**

1

С тех пор немало накрутило,
Немало лет умчалось в тьму.
Наш курс по свету раскатило,
По этому — и по тому.
Кто, движимый гражданским долгом,
Был физиком, а стал парторгом,
Кто пишет ценные труды,
Кто детворе твердит зады;
Иной, посмотришь, вечно взмылен,
Зажат в тисках семейных дел...
Кто безнадежно заболел
Спрямленьем мозговых извилин...
Кто года через полтора,
Глядишь, проникнет в доктора...

2

И, пряча голову как страус,
Стараюсь не заметить я,
Как подползает к горлу старость,
Венец процесса бытия, —
Когда баланс метаний тяжких
Смерть подытожит на костяшках
И, сбросив разом со счетов,
Промолвит буднично: «Готов!»
И чем ясней финал блужданий,
Чем ближе нулевой предел, —
Тем больше несвершённых дел,
И неисполненных гаданий,
И нерастраченной любви —
Хоть распродажу объяви!..

3

...Меня с высот читатель тащит:
«Где Женя?» — у него вопрос...
Забившись в глушь, в почтовый ящик,
Он с Ирой счастьем там оброс.
Среди болот, глухих таёжин
Почтовый ящик расположен.

Не зря упрятаны в леса
Приземистые корпуса.
На удивленье всей Европе,
На посрамленье всех врагов —
Грядущих атомных веков
Здесь наступление торопят.
Тут, как Суворов на редут,
Атаку на ядро ведут.

4

Как в недрах Солнца раскалённых,
В бездонной темени небес,
Так за оградой стен бетонных
Протонный вихрь кружится здесь.
Тут наш герой с наукой дружит:
Он ей учёным негром служит.
Уже не прежний еретик,
Остепенился он, притих:
Ведь от добра — добра не ищут,
Увяз у птички коготок...
Зимой он ходит на каток,
А летом по болотам рыщет,
Собою кормит комаров,
Покоен, весел и здоров.

5

От воскресенья к воскресенью
Мелькает Женино житьё
Однообразной каруселью.
Он дело делает своё
И, скажем, знать считает лишним,
Что за рекой, в колхозе ближнем,
Тринадцать баб — всего людей.
Его стихия — мир идей.
Но всё ж, различья устрняя
Меж умственной и ручной
Работой, — каждую весной
В колхоз учёных выгоняют.
А что ни осень, то опять
Картошку просят убирать.

6

А в дни осеннего сезона
 С соседом вместе и с женой
 От скуки и для моциону
 Он развивает спорт грибной...
 Найдёт и — чик — любовно срежет...
 Весь день звучит грибной скрежет,
 Валит навалом разный груздь,
 И мировая гаснет грусть.
 Он рад резвящимся берёзам,
 Подушке мха в глуби трясин,
 Огню осеннему осин
 И облаков бокам белёсым...
 И с переполненной сумой,
 Устав, едва дойдёт домой.

7

Как большинство своих соседей,
 Мечту герой лелеет наш:
 Стремясь уверенно к «Победе»,
 Он выстроил уже гараж.
 Крик детский слышен по посёлку.
 Не тратят тут досуг без толку:
 Без ухищрений, без затей
 Рожают каждый год детей.
 Попал в лихие семьянины
 И мой герой не без причины —
 На днях письмо я получил,
 Он к дочке звал на именины.
Sic transit... Впрочем, что латынь;
 Нельзя ж быть вечно молодым!

8

Мы допоздна с ним проболтали,
 Мы вспоминали дотемна
 Про дни учёбы, про батальи,
 Про те лихие времена...
 Потом он всё сидел и хвастал:
 «А речка, речка-то у нас-то!
 Каких я в ней ловлю линей —
 Поверишь, удочки длинней...
 Пошли? Свезёшь в Москву подарок...
 Не можешь? Жаль, дружище, жаль!..
 Ты на неделе приезжай —
 Достали б парочку байдарок...»
 И долго он ещё хвалил
 Красу лесов, туман долин...

9

Но я, сторонник слова прозы,
 Момент удачный улучил —
 И на зловредные вопросы
 Внимание переключил:
 Узнать мне просто захотелось,
 Куда его девалась смелость,
 Суждений странность, шуток злость...
 Что с Женей случилось? В чём тут гвоздь?
 «Я попросту, — ответил Женя, —
 Витать в эфире перестал,
 Расставил вещи по местам
 И укротил воображеньё...
 Борьба за правду? За права?..
 Прости, но это ведь слова!..

10

К чему народу правды поиск?
 Ты видишь ведь, что он устал,
 Он хочет жить не беспокоясь,
 Что он бы правду освистал,
 Что быть глазам приятней в шорах,
 Ушам — вставать на каждый шорох,
 Сгибаться — шее и спине
 И благодарной течь слюне...
 Что разменяли мы Коммуну
 На телевизоры, постель,
 Обильный стол, приём гостей,
 Идеологию хромую.
 Что спит Минервина сова,
 Пред темнотою спасав...

11

Я твёрдо-натвердо усвоил,
 Что, хоть и вижу в жизни зло,
 Но в поле я один — не воин.
 Что единица — не число.
 Повадку — рабью или рыбью —
 Один я из людей не выбью.
 Кому и что я докажу?
 Себе лишь только досажу.
 А у меня ведь есть успехи...
 Науку двигая свою,
 Я больше обществу даю,
 Чем тыча пальцами в прорехи.
 Я приближаю новый век,
 Не разрушая ветхих вех.

12

Подвалы в «Правде» я читаю
И между строчек ворожу:
Почую оттепель — и таю,
Мороз ударит — задрожу.
Порой наткнёшься вновь на пакость,
На миг проснётся прежний пафос,
Но вспомнишь, что ЕЩЁ НЕЛЬЗЯ, —
И никнешь, никого не зля...
Интеллигент новейшей складки, —
Как говорится, трудовой, —
Распоряжаться трудовой
Я не умею без оглядки:
Я совершенства в том достиг,
Как рассуждать от сих до сих...»

13

«Но это ведь повадка рабья.
Уму границы положив,
Себя по доброй воле грабя.
Ты не живёшь, а полужив!»
«Нет, счастлив я в своём пределе!
Я не на воле, но при деле.
Я не мыслитель, не Сократ,
И для меня важней стократ
Смысл систематики Гелл-Манна
И превращений К°,
И квантования полей,
Чем обличение обмана,
В котором жить нам довелось:
Усевшись на кол — не елозь!..»

14

15

.....
.....
...Ну вот, читатель терпеливый,
Пришла пора трубить финал:
Окончен труд мой торопливый...
Пусть ты не раз меня пинал,
Пусть ты готов швырять объедки
В описанные мной объекты,
Пусть я тобой изобличён
В том, что поэма — ни о чём, —
Ты прав, согласен: Женя с Ирой
Служили только мне канвой;
Их отношения — тот конвой,
Который гнал меня по миру,
Зажатого в толпе острот,
В колодках тесных рифм и строф.

16

Но дороги мне эти строки —
Паренья первые круги,
Едва намеченные тропки,
Ещё неясные враги.
Быть может, крылья растоплю я,
Быть может, выйдя в чистоплюю,
Не стану руки я марать
О торжествующую рать.
Быть может!.. Но пока ночами
Мне любо над стихом корпеть —
То в сладком гневе закипеть,
То хохотать, когда случайно
Под озорным карандашом
Король предстанет нагишом...

17

Я знаю, слыть ей клеветую,
Ведь жизнь в поэме — без прикрас.
И грязью быть ей обливаю,
Опубликуй её как раз...
Уж критика не поленился,
И удалая поленица.
Все тридцать три богатыря,
За то судьбу благодаря,
Что есть возможность наловчиться
В разбойном ремесле своём, —
Наскочит на меня с дубьём,
Как свора ловчих на волчицу.
И «Мала куча!» — вой издаст,
И ну гвоздить во что горазд...

18

Мне на Парнас не выдан пропуск,
Я — самоучка-пародист,
И не попасть за этот опус
В литературный парадиз:
Нехватка явная таланта...
Была бы хоть ума палата,
Так ведь и та — который год —
Закрыта на переучёт.
Товару в ней на грош не купишь.
Она, как в бублике дыра.
Она, как атом без ядра.
Как тот карман, в котором кукиш.
Но я упрям: пусть я таков,
А не отдам своих стихов.

19

Пусть я не верил никогда в них, —
Теперь я греюсь их теплом.
Я не отдам недель тех давних,
Когда, усевшись за диплом,
Я понял то, чего не чаял:
И мне дано не спать ночами,
И мне дано мой мир облечь

В ещё неслыханную речь.
Ни боль любви, ни правды пламя,
Ни соль и горечь эпиграмм,
Ни нашей жизни мелкий срам —
Ничто в поэме не отдам я!..

.....
А может, кончить хвостовство?
Проголосуем? — Большинство!

Весна 1946 г. Второй курс физфака

А. В. КЕССЕНИХ

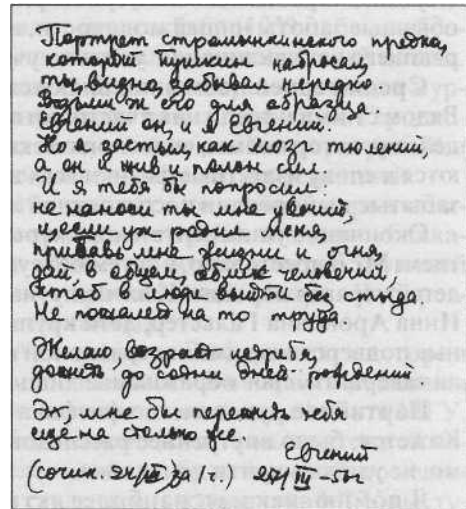
ПОЭМА О ЖИЗНИ МОЛОДОГО СОВЕТСКОГО ФИЗИКА 40—50-х ГОДОВ

У автора столь популярной среди бывших выпускников физфака поэмы «Евгений Стромынкин» линия поэтического творчества и линия профессиональной деятельности шли рядом. Они переплетались, и в результате, читая поэму, мы живо ощущаем время и удушливую морально-идеологическую атмосферу, в которой происходила деятельность физиков той поры (1945—1956 гг.).

Пародийный стиль поэмы не умалил тонкости авторского проникновения в советскую научную и педагогическую действительность конца сталинской эпохи. Более того, нет ничего зазорного в том, чтобы, применяя пародию по форме, вскрывать реалии в содержании. Такие формы отражения действительности в условиях тоталитаризма казались более безопасными.

Ведь автор при всем своем критическом настрое поначалу не собирался уходить в подполье или в правовой протест, как некоторые молодые люди 60-х годов, а хотел активно работать по специальности. Постепенно, правда, он перешел границы «конструктивной» критики, по мере сил участвовал в правозащитном движении и даже начал «бодаться с дубом». В 4—7 главах поэмы появились обличительные нотки, но какое-то время эти главы не были доступны широкой физической (и прочей) общественности. Вряд ли автор в те годы питал какие-то иллюзии относительно литературной славы, однако поддержка Е. Л. Фейнберга вдохновила Герцена Исаевича не только на попытки опубликовать «Евгения Стромынкина», но и на новые, по-своему еще более интересные произведения [1].

Первые три главы ходили в списках по физфаку и среди физиков-профессионалов с 1950 г., а очень широко — уже в 1953—54 гг. Этот самый ранний из доступных исследователям вариант сохранился в десятках машинописных перепечаток. Затем коллектив-студия «Архимед», созданный в 1961 г., познакомился с автором во время гастролей в Дубне в 1964 г. В 1968 г. во время одной из научных конференций Г. Копылов в неофициальной обстановке в Северной аудитории физфака наконец прочел новые главы своей поэмы студентам. Впоследствии из-за известной «компетентным органам» близости автора к прогрессивно настроенному барду Ю. Ч. Киму и правозащитнику П. И. Якиру (позднее арестованному и отбывавшему ссылку) контакты Копылова со студентами искусственно ограничивались. Последний вариант текста автор подготовил в 1973 г., и именно он был передан его вдовой Диной Константиновной в 1977 г. в студию «Архимед». К 1979 г. этот вариант был снабжен Анатолием Прохоровым подробнейшим комментарием по всем параллельным редакциям и частично исполнен на вечере «25 лет физического искусства», проведенном Ю. В. Гапоновым в ДК Института атомной энергии им. Кур-

Страница из рабочей тетради
Г. Копылова, содержащая черновики
и заготовки для «Евгения Стромынкина»

чатова в декабре 1979 г. Примерно тот же вариант впоследствии вошел в издание [1] под редакцией известного правозащитника К. А. Любарского (1934—1996), кандидата физико-математических наук, выпускника астрономического отделения МГУ при мехмате 1956 г. Всю информацию о текстах, полученную от студии «Архимед», мы отмечаем соответствующей сноской [2].

Заключительная сцена второй главы как будто специально предназначена для публикации в ВИЕТ и красочно изображает атмосферу перманентных идеологических дискуссий. О них документально написал А. С. Сонин в журнале «Природа» [3] и в книге «Физический идеализм» [4], упомянули А. В. Андреев в своей диссертационной работе [5], К. А. Томилин [6] и С. С. Илизаров [7] в своих публикациях. Однако сила искусства такова, что несколько строк из «Стромынкина» и без комментария достаточно рельефно отражают преобладающее отношение грамотных и порядочных физиков к этой идеологической кутерьме:

А в это время семинар
Не клал на свой язык охулки,
Грозь махизма семенам,
Идеализма пни корчуча...

и так далее, — ведь по мнению многих «корифеев» того времени:

...глуп Эйнштейн,
...вредитель* — Бор,
А физик — не макроприбор,
А социальное явление!

Но это лишь одно из самых ярких мест поэмы. В ней и студенческий быт на Стромынке, и поход в консерваторию, здесь и общая атмосфера в стране, здесь и обычные заботы нищей молодости, и каторжная жизнь студента, то и дело повторяющего как заклинание: учиться, учиться, но не заучиваться.

Среди героев поэмы появляются выдающиеся преподаватели факультета. Рядом с ними и среди них участники «идеологических битв», или, как называет эти действия автор поэмы, «идеологических стирок». В поэме цитируются или поминаются к слову известные физики всех времен, стран и народов, упоминаются почти забытые ныне реалии послевоенной жизни всех граждан нашей Родины.

Окончание университетского курса почти совпало для автора с тяжелым событием: МГБ арестовало, а затем без суда выслало нескольких студентов физфака — детей «врагов народа». К их числу, например, принадлежали Эрлен Ильич Федин, Инна Ароновна Гальстер, дети крупных репрессированных деятелей. Арестованные подверглись административной высылке в разные районы Казахстана и сумели завершить свое образование лишь в 50-х гг.

Партийное руководство физфака по слухам вызвало о поэме только к 1951 г. Кажется, было внутреннее расследование. «Дела», однако, не получилось. Видимо, не удалось найти доносчика.

Я помню, как нас, наиболее активных участников бунтарской IV отчетно-перевыборной комсомольской конференции физфака, прошедшей в октябре 1953 г., да и просто наших сокурсников в начале 1954 г. вызывали в партком МГУ. Нам «шили» идеологическую диверсию, элементом которой было распространение и даже просто знакомство с поэмой Копылова (имя его тогда было неизвестно ни нам, ни, слава Богу, нашим инквизиторам). Это было примерно так:

* Вариант — «сволочь».

И спрашивают нас резонно очень:
«Стромынкина» читали? — М-да...
Не вы ль Письмо писали, между прочим,
И кто вам в этом помогал тогда?*

Под «Письмом» как раз имеется в виду принятое IV отчетно-перевыборной комсомольской конференцией письмо в ЦК КПСС. По настрою оно было весьма критичным, попросту разносным в отношении организации учебной работы на физфаке, и особенно в части отстранения от нее группы ведущих ученых-физиков, по «странному совпадению» именно тех, которые наиболее активно работали над атомным проектом. Довольно странно, что этого письма не оказалось в архивных материалах, доступных А. С. Сонину, А. В. Андрееву, К. А. Томилину и С. С. Илизарову (см. [3—7]) и авторам ряда других публикаций.

Интересно, что косвенно можно понять, как среагировали руководящие круги физфака на намерение этой конференции в начале октября 1953 г. отправить письмо в ЦК КПСС. Верхушка физфаковской группы идеологических борцов начала запускать одну контрминуту за другой: 7 октября пошло «разоблачительное» письмо против ректора МГУ И. Г. Петровского от четырех профессоров [7] (в параллельном варианте за подписью подставного лица: «Ректор Петровский, сын купца, препятствует выдвижению национальных кадров из рабочей семьи»). А 14 октября того же года декан физфака профессор А. А. Соколов в своем письме поддерживал избрание в АН СССР примерно тех же профессоров, которые подписали письмо против ректора. Наконец, 17 октября пошло вовсе беспардонное письмо от Н. С. Акулова с «разоблачением» И. Е. Тамма по четырем пунктам (меньшевик, друг врага, брат врага, не имеет фундаментальных работ). Читатель легко может представить себе обстановку, в которой молодой автор слагал свое произведение! Ведь то, что сравнительно безболезненно сошло с рук в октябре 1953 г., было абсолютно невозможно в 1949 г., когда Копылов писал начальные главы своей поэмы.

Хочется всячески приветствовать публикацию «Евгения Стромынкина» в журнале ВИЕТ. Читатели будут благодарны сыну автора поэмы Геннадию Герценовичу Копылову, взявшему на себя труд подготовить исходный литературный и компьютерный варианты поэмы, провести согласование текстов с редакцией.

Поэма, как мы уже сказали, ходила во многих списках и по крайней мере в четырех редакциях (см. [2]). Геннадий Герценович представил в редакцию для публикации один из последних авторских вариантов поэмы, примерно соответствующий публикации в Мюнхене в собрании избранных произведений автора «Четырехмерная поэма и другие неодномерные произведения» [1].

О роли редактора издания [1] Крониды Аркадьевича Любарского в истории поэмы следовало бы сказать особо. Кронид познакомился с первыми главами поэмы как только поступил на астрономическое отделение тогда мехмата МГУ. Романтика научных исследований и дух свободомыслия, сочетаясь в мятежной натуре первого редактора «Стромынкина», сделали его судьбу интересной, но нелепой. В 1954 г. Любарский совместно с рядом студентов и аспирантов МГУ выступил «подписантом» письма в защиту известной статьи критика В. Померанцева «Об искренности» в «Новом мире» (1953, № 12). Вскоре последовало распределение, и Крониду Аркадьевичу досталось интересное, но вряд ли удачное для астрофизика место работы — Обсерватория АН Туркменской ССР в Ашхабаде. Между тем молодого исследователя волновала проблема физики атмосферы Марса и, страшно сказать, связанный с этой проблемой вопрос — есть ли на Марсе жизнь?

* Строки тех лет составителя комментария А. В. Кессениха.

Но прежде чем ответить на этот сакраментальный, но явно вторичный вопрос, Крониду пришлось после возвращения в Москву (1963 г.) и защиты диссертации в Институте ядерной физики АН СССР познать, какова есть жизнь на нашей родной Земле. Отсутствие известного всем, кто имел дело со спецтематикой, «допуска» не позволило К. А. работать над космическими программами, и он оказался педагогом в специальной школе АПН СССР в Черноголовке. Дух же свободомыслия не оставлял молодого ученого, и в 1972 г. при аресте на его квартире обнаружили около 600 документов небезызвестного «самиздата». Как вспоминает первый редактор «Стромынкина», строки из поэмы он твердил наизусть, скрашивая свое пребывание в ШИЗО мордовских лагерей и в одиночке Владимирского централа. В 1977 г. Любарский с семьей был выселен на сто первый километр в Тарусу, откуда под давлением неизбежных обвинений в «тунеядстве» он вынужден был в том же 1977 г. эмигрировать.

Отдельные сведения о К. А. Любарском имеются в книге Л. Алексеевой [8], основные же данные мы получили от вдовы К. А. Галины Ильиничны Любарской.

Поэма вместе с другими произведениями Г. Копылова вошла в одно из важнейших изданий созданного К. А. Любарским в Мюнхене издательства «Страна и мир». Некоторые варианты отдельных отрывков были включены в предлагаемый читателю текст в качестве дополнений. Мы, по согласованию с публикатором, полностью приняли за основу последнюю редакцию, и лишь для строф второй главы, наиболее интересной в качестве исторического документа, но претерпевшей наибольшие и многократные изменения по сравнению с ранними редакциями, была составлена комбинированная редакция из двух-четырех вариантов. Эта редакция опирается как на тексты, наиболее запомнившиеся выпускникам 1949—1955 гг., так и на важнейшие изменения последующей редакции. Небольшие поправки к стихотворным текстам, направленные на устранение случайных ошибок автора, отмечены каждый раз в комментарии.

Поэма довольно резко делится на две части. Главы 1—3 написаны на основе непосредственных впечатлений и составляют первую часть. Вторую же часть образуют описанные позднее, важные для придания сюжету известной завершенности и выражения критического настроения автора к «советской действительности» последние три главы (5—7). Пограничная четвертая глава («Бал») всё же ближе по характеру ко второй части поэмы. Составителям комментария более знакомы именно многочисленные реалии послевоенной жизни физфака МГУ и страны. Небольшая часть примечаний перенесена из комментария редактора и составителя мюнхенского издания К. А. Любарского [1]. Учтены весьма ценные замечания академика Е. Л. Фейнберга, участников семинара сектора истории физики и механики ИИЕТ, состоявшегося 13 января 1998 г., и его руководителя Вл. П. Визгина.

Биографические сведения о профессорах физфака и других действующих лицах поэмы во многом почерпнуты из материалов, хранящихся в Кабинете истории физики (КИФ) физфака МГУ. Широко использованы личные воспоминания выпускников физфака разных лет: М. И. Родак (1949), Б. М. Болотовского (1952), Г. И. Пятницкого (1954), Б. А. Квасова (1952), Я. Ю. Ахадова (1954), а также бывшего студента физфака Э. И. Федина, сотрудника физфака А. В. Восканяна, заведующего КИФ, выпускника физфака 1952 г. Л. В. Лёвшина, и, наконец, воспоминания и архивы составителя настоящего комментария, выпускника физфака 1954 г. А. В. Кессениха.

КОММЕНТАРИЙ

— А почему оно красное?

— А потому что зеленое! — Речь идет о черной смородине. Возможно, неясный намек на то, что молодежь в глубине души разделяла коммунистические идеалы.

ГЛАВА 1

Сяду я за стол

И подумаю,

Как на свете жить

Стакою суммою. — Ср. начало стихотворения А. Кольцова «Раздумье селянина»:

Сяду я за стол

И подумаю,

Как на свете жить

Одинокому.

Типичная в дальнейшем манера переиначивания цитируемого текста.

1 Мой дядя — адвокат известный. — Как вы заметили, автор начинает поэму с тех же слов, что и А. С. Пушкин — «Евгения Онегина». Это сразу же определяет ее принадлежность к жанру пародии. Вообще же таких прямых цитат из Пушкина в поэме считанное число (см. второй эпиграф к гл. 3 и строфы 21 и 38* гл. 2).

2 Первоначальная редакция первых четырех строк [2]:

Так думал молодой бездельник,

В свои сомненья погружен.

Раздав долги, совсем без денег

Под Новый год остался он.

Верньеров, клемм и емкостей. — *Верньер* — передача (чаще всего соосная) с замедлением вращения (для тонкой настройки контуров). *Клемма* — устройство для подсоединения и закрепления (обычно под гайку) проводов или кабелей. «*Емкостей*» — обычный для радиолобителя жаргон, вместо «конденсаторов». Герой явно не чужд созданию коротковолновых приемников.

Да пропуска в студгородок. — Студгородок МГУ размещался в те годы (с 1933 и частично примерно до 1955 г.) в пятиэтажных корпусах на ул. Стромынка, д. 32 (теперь 20), вблизи от Матросского моста через Язу. Отсюда и вымышленная фамилия героя. Наименование улицы историческое — от названия богатого торгового села Стромынь.

3 Первоначальная редакция первых четырех строк [2]:

По перечню предметов всякий,

Я думаю, тотчас поймет,

Что мой герой — студент физфака

И в общежитии живет.

7 От баснописцев до акынов. — Упомянуты наиболее одиозные жанры официальной поэзии. *Баснописцы*, например С. Михалков (в одном из вариантов «от Михалкова до акынов»), подтверждая своим существованием начальственное поощрение критики, в то же время не забывали к месту и не к месту воскадить тому же начальству фимиам. (Как известно, тот же Михалков был автором «Гимна Советского Союза», а в баснях — автором знаменитого укора «космополитам»: «А сало русское едят!».) *Акыны* — певцы народов СССР, например Джембул Джаба-

ев, Сулейман Стальский — были известны 90% советских читателей в изощренных переложениях лучших, талантливейших переводчиков (С. Липкин, Я. Козловский и др.). Бытовали мнения, что в талантливых переводах восхваления всего сущего под Солнцем Сталинской Конституции еще более усиливались.

8 В первоначальной редакции строфа 8 звучала более «по-домашнему» [2]:

**А то обидно, в прежни лета
 Была воспета колбаса,
 Картошка тоже уж воспета,
 А ты, стромынская краса
 И гордость, кипяток отменный,
 Студента спутник неизменный,
 Отрада долгих вечеров,
 Ты, нежная моя любовь,
 Давно нуждаешься в рекламе,
 И восхищенными стихами
 Пора воспеть тебя давно,
 Рассматриваемая нами
 В момент кипенья Н₂О.**

ГЛАВА 2

Звездочкой (*) отмечены нумерованные в порядке следования после строфы 31 строфы, приводимые в редакции более ранней (скорее всего первоначальной) [2], чем в издании [1] под ред. К. Любарского. Двумя звездочками (**) и с нумерацией, соответствующей варианту мюнхенского издания, выделены строфы в новейшей редакции, перемещенные в конец главы.

Я не был вундеркиндом, но я буду им! (Мика Бонгарт). — Смысл эпитафии ясен каждому, кто всерьез занимался наукой. Михаил Моисеевич Бонгарт (1924—1971) — известный в кругах математиков, биофизиков, физиков и даже лингвистов специалист по физике зрения, распознаванию образов и другим проблемам искусственного интеллекта. Круг его знакомых, однако, был еще шире за счет пристрастия М. М. к турпоходам и занятиям альпинизмом. М. Бонгарт поступил на физфак еще до войны, но прервал учебу, участвовал в сражениях, а после победы поступил в 1945 г. сразу на 2-й курс (тот же самый, где учился и автор поэмы). После окончания физфака имел, несмотря на участие в войне, типичные для людей того времени и судьбы (беспартийный, еврей, сын репрессированных родителей) трудности с устройством на работу. Ходила легенда о том, что ему предлагали место на балалаечной фабрике. Он работал в школе, в Московском планетарии, в лаборатории зрения (вошедшей позднее в Институт биофизики АН СССР), затем руководил лабораторией в Институте проблем передачи информации. Будучи физиком, освоил, с одной стороны технику препарирования живых тканей, а с другой — сложнейшие математические методы (стал вундеркиндом!). В 1958 (ГОИ) и 1960 гг. (ФИАН, повторно, после первоначального отказа в присуждении степени) защищал кандидатскую диссертацию по цветному зрению; в 1970 г. успешно защитил докторскую диссертацию (по искусственному интеллекту). Основной труд М. М. — «Проблема узнавания» [9]; см. также популярное изложение его вклада в науку в [10, с. 120 и далее] — о создании т. н. «перцептроне» (или «перцептроне»). По словам сокурсников, был в тесных дружеских отношениях с автором поэмы. Погиб М. Бонгарт в 1971 г. в горах Кавказа, возвращаясь с восхождения на вершину со странным названием «Пик 15-летия Польской Народной Республики», вместе с

известным физиком и альпинистом, выпускником физфака 1954 г. О. Куликовым. Очень яркие, хотя и отрывочные личные воспоминания о М. М. Бонгарте — в мемуарах Р. М. Фрумкиной [11].

3 И свору цифр на зал спустил. — Эта строка в старом варианте звучала в привычном газетном стиле: «И расстановке наших сил».

4 Старик «Всемирный следопыт». — Видимо, имеются в виду подшивки старых приключенческих журналов с указанным названием, тогда еще хранившиеся во многих семьях.

«Хоттабыч» и «Гиперболоид»,

«Вратарь» и Саня-капитан. — «Хоттабыч» — фантастическая повесть Л. Лагина «Старик Хоттабыч», занимательное чтение для детей и подростков. Имя ее героя, волшебника Омара Ибн-Хоттаба, заимствовано из арабских легенд и упоминается в Коране. «Гиперболоид» — фантастический роман А. Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». «Вратарь» — повесть Л. Кассиля «Вратарь республики». *Саня-капитан* — Саня Григорьев, герой повести В. Каверина «Два капитана».

И Джона Рида «10 дней...». — Не издававшийся с 1920-х гг. по 1956 г. развернутый художественный репортаж об Октябрьской революции 1917 г. в Петрограде и Москве.

5 Собрав, ловил на супера

Из-за границы передачу. — Имеется в виду прогрессивная тогда конструкция супергетеродинного радиоприемника с преобразованием несущей частоты сигнала в промежуточную, что позволяло сузить частотную полосу до оптимального значения и в значительной степени отделаться от помех.

9 Первый вариант начала строфы 9 [2]:

**Встречал ли ты провинциала,
Что первый раз попал в Москву?
Как шику нашего в нем мало,
Какой сумбур в его мозгу!
Ему все ново, чуждо, странно...**

10 Интересный вариант строфы из более ранних [2]:

**Туда, где жили наши предки,
К Кремлю седому он бежит,
И куполов завидев редьки,
В благоговении дрожит.
Пошлявшись возле их подножий,
Отсюда он, во-первых, может
Зайти в Лаврушинский и там
Смотреть «Явление Христа»,
Иль мелкий Репина эскизец,
Или пшеничные поля,
Что на полотнах наваял
Ведущий ныне лживописец.
Вот первый путь...
А путь второй —
Пойти кататься на метро.**

В варианте [1] упоминаются уже многие «лживописцы», сиречь соцреалисты.

Или пшеничные поля,

Что на полотнах навалял. — Похоже, намек на серию картин Герасимова «Рожь-матушка».

Пойти кататься на метро. — Когда Женя прибыл в Москву, здесь действовали только три линии метрополитена, но во всех других городах Советского Союза еще не было ни одной.

12* Конец строфы в последней редакции звучит почти безупречно [1]:

**В наивность по уши окутан,
В ученых видел идеал
И их от смертных отделял.
Доцент был для него, что Ньютон,
Профессор — Майкл Фарадей,
Декан — из сказки Берендей.**

Здесь приводится, однако, более интересный своими связями с реалиями того времени ранний вариант [2].

Под корешком факториал. — V!, известный еще с довоенного времени символ физического факультета МГУ, окончательно утвержденный на первом «Празднике Архимеда» в 1960 г.

На полке длинноносый Ньютон

И замдекана борода. — Заместителем декана по учебной части был в конце 40-х гг. Д. Н. Носилов, по специальности геофизик, обладатель уникальной окладистой бороды.

13 **На чтение разных Папалексей.** — Н. Д. Папалекси — выдающийся физик, автор «Курса общей физики» (а не руководства по «Практикуму», как полагал Любарский), рекомендованного тогда студентам МГУ [12, с. 206].

14 **Умел за шахматной доской**

Сидеть на окнах день-деньской. — В правом крыле учебного корпуса на ул. Моховой, д. 9 располагалась кафедра физкультуры МГУ. Там, на широких подоконниках коридора, ведущего к входу в подвал, действительно день-деньской сидели шахматисты; одни изредка приходили развлечься, некоторые участвовали в межгрупповых или межкурсовых соревнованиях, третьи же просто не знали иной формы существования и, просидев так года два-три, вылетали из МГУ.

Евгений за «Спартак» болел. — Футбольные соревнования, в отсутствие других серьезных новостей, давали значительную пищу эмоциям простых советских граждан. Команда «Спартак» была в ту пору не самой удачливой на длинной дистанции первенства СССР, но изредка завоевывала, как в 1947 г., Кубок СССР, при этом игры проходили с выбыванием проигравших, и для победы в соревновании было достаточно выиграть пять-шесть раз подряд.

15 **В мероприятиях групповых**

(Слышали ж это выражень?). — Общественная жизнь в учебных группах всечески стимулировалась. Одних общественных руководителей в каждой группе (20–25 студентов) было до 4–5: комсорг, профорг, староста, иногда физорг или культорг. Но кроме официальных мероприятий (собраний, субботников, соревнований) были, конечно, и сугубо неофициальные.

**Решили, скажем, коллективом
В кино с «Основ» сбежать ретиво**

Или в Сокольники на кросс. — «*Основы*» — «Основы марксизма-ленинизма» (в 80-х гг. — «История КПСС») — ведущий предмет общественно-политического цикла для всех советских студентов. В выписках из диплома шел за номером один, предваряя «Политэкономия» и «Диалектический и исторический материализм» (а уж потом шли «Общая физика», «Математический анализ» и т. п.). Сбежать с «Основ» считалось уж никак не групповым мероприятием, но серьезным проступком, тем не менее часто это сходило с рук, потому что в глубине души многие преподаватели относились к ведущей роли своего предмета довольно скептически.

В старом варианте было: «Физфака двор изрыть ретиво...» [2], что подразумевало участие в субботнике по строительству спортплощадок и являлось не только групповым, но и курсовым мероприятием.

Сокольники — у самого входа в парк «Сокольники» располагалась спортивная база МГУ.

16 «Дубину» знал и «Бригантину»

И «Баба сеяла горох». — «*Дубина*» — несомненно, имеется в виду гимн физфака на мотив одноименной песни (см. [13]). «*Бригантина*» — песня на слова П. Когана, очень популярная в послевоенные годы. «*Баба сеяла горох*» — популярная во все времена в России детская игровая песня с пристукиваниями и приплясываниями; видимо, исполнялась в компании Жени из озорства.

17 Как корень в плоскости комплексной,

Двузначны быть должны слова. — Квадратный корень из любой величины (комплексной $a \pm ib$, $i = \sqrt{-1}$ или вещественной a), за исключением нуля, имеет два значения. Многозначны и результаты извлечения корня любой степени (возведение в дробную степень) комплексных величин.

18 Себя держал он панибратором. — Сначала [2] в поэме было сказано:

**С каким-нибудь лауреатом
Был Женя наш запанибрата.**

В последнем варианте автор решил ввести расширение русского языка: «Себя держал он *панибратором*».

Был запросто к Ландау вхож,

Д. Д. не ставил ни во грош. — *Ландау* — имя одного из самых выдающихся физиков XX столетия не нуждается в пояснении (см. [12, с. 152]). *Д. Д.* — Дмитрий Дмитриевич Иваненко (1904—1994), известный советский физик, профессор МГУ, лауреат Сталинской премии (1950, за теорию светящегося электрона, совместно с Соколовым и Померанчуком). Несмотря на изрядные и признаваемые научные заслуги, как-то: протонно-нейтронная модель ядра, некоторые работы по теории синхротронного излучения совместно с Померанчуком (см. [12, с. 118]), вызывал у многих коллег критическое, а то и скептическое отношение. Известный в 20-х гг. как один из талантливейших молодых физиков, пережив преследования (ссылку из Ленинграда в Томск в 1935—38 гг.), впоследствии пользовался репутацией карьериста. Известна была его спекуляция вымышленным положением обиженного космополитами выдающегося русского ученого ([3; 4, с. 128—129]). *Д. Д.* приписывали желание и умение вовремя оказаться в соавторах актуальной работы, невзирая на степень участия в ее создании. *Д. Д.* подвергался дружному остракизму со стороны академических кругов и иностранных коллег (по свидетельству, напри-

мер, [14]), отчего страдали и его даже ни в чем не повинные ученики. Отечественные же коллеги зачастую говаривали: да, он действительно грамотен и эрудит, имеет много заслуг, но к оценке его достижений надо относиться осторожно. Мнение комментаторов, что Иваненко готовили на роль «физического Лысенко» [1, с. 262], неосновательно. В этой кампании его использовали для веса. Аналогия с Лысенко, вероятно, возникла потому, что Иваненко заведовал одно время кафедрой общей физики в Сельхозакадемии им. Тимирязева [4, с. 106]. Меткие характеристики, приведенные в разных местах поэмы («знаток интерпретаций явлений с помощью трех пальцев» — см. строфу 36*, «эрудит, по часу кряду ерудит» — см. строфу 38*), в общем правильно отражают отношение к Д. Д. среди студентов и сотрудников факультета, хотя не умаляют его заслуг. Известна еще одна «частушка» про «Д. Д. с очень низким КПД», не вошедшая в поэму. Подробнее об этой противоречивой фигуре можно прочитать в «Бюллетене Российского физического общества» (1994. Вып. 3—4).

**Я был при том, когда Леднев
Льва одряхлевшего — Эйнштейна,
Собрав профессоров кагал,**

Ногой бестрепетной лягал. — *Леднев* (Николай Андреевич) — способный, молодой в те годы профессор математики в МГУ. Читал лекции по математическому анализу студентам МГУ в 1945—1951 г. В течение второго семестра 1945 г. сумел стать кандидатом и доктором наук. Известен был демонстративным отрицанием общей теории относительности Эйнштейна, о чем вскользь упоминал на своих лекциях и чему посвящал выступления на идеологических («философских») семинарах. Азарт и эйфория от научных и педагогических успехов сыграли с Николаем Андреевичем злую шутку. Он легко поддавался на провокации Отдела науки ЦК (например, ездил с разгромными лекциями против Эйнштейна по градам и весям) и, в частности, как он сам вспоминал, охотно принял предложение заменить на ответственном посту заведующего кафедрой математики Московского энергетического института, неугодного ЦК «космополита» В. И. Левина. Заодно эта замена привела и к быстрому увяданию таланта самого Леднева, что он осознал, к сожалению, чересчур поздно.

Кагал — знаменитое выступление Леднева на философском семинаре физфака в 1950 г., где, вопреки своему математическому и физическому образованию, действительно бестрепетно опровергал специальную теорию относительности Эйнштейна, привлекая в качестве аргументов против очевидных следствий из постулатов СТО почти чеховское «не может быть никогда». В тот раз с протестом выступил даже один студент из МИФИ Алексей Тяпушкин, призвавший присутствующих посещать семинары И. Е. Тамма, чтобы понять суть СТО. О Ледневе см. также строфу 36*: «...столпов ниспровергатель, тридцатилетний вундеркинд».

21 С ученым видом знатока. — Одна из прямых цитат из А. С. Пушкина. («Евгений Онегин», гл. 1, строфа V).

Журналы «Nature» и «Annalen». — Наиболее авторитетные научные журналы, в том числе помещающие экспресс-публикации выдающихся свежих научных результатов. Теперь пришлось бы упомянуть прежде всего «*Physical Review Letters*».

**Знал про борновский кристалл,
Про борновское приближение,**

Про спиноры, про вириал. — Физические термины не из самых распространенных: *борновский кристалл* — мало известный широким кругам физиков тер-

мин, касающийся кристаллических решеток со сложной динамикой; *борновское приближение* — приближение упругого взаимодействия, например, при рассеянии одной частицы на другой [15]; *спиноры* — набор матричных величин (от 4-х и более), описывающих свойства частиц, обладающих собственным моментом количества движения (спином) [15]; *вириал* — из названия теоремы вириала [15]. Указанная теорема гласит, что средние значения половины работы сил по перемещению материальных точек в замкнутой системе и кинетической энергии (движений) для замкнутой системы равны. Это очевидно для маятника (осциллятора). Теорема справедлива и в классической, и в квантовой механике. Видимо, привлекла автора своей малоизвестностью и звучностью названия.

В последней авторской редакции [1] конец строфы более гладок, но менее интересен:

**И кто-то даже уверял,
Что и язык китайский Жень
Освоил бы за полчаса,
Когда б сдавать зачет взялся.**

22 Бессмертный Хульо Хурениго. — Название и имя героя романа И. Эренбурга, написанного в начале 20-х годов. Роман не переиздавался в СССР до 1956 г., а в полном виде — до 1987 г., но имелся во многих интеллигентных семьях в старом издании с предисловием Бухарина. Упоминание этого романа указывает на явную склонность героя к общественному скептицизму.

Все тот же Бендер именитый. — Остап Бендер, герой И. Ильфа и Е. Петрова (см. строфу 5 гл. 2). *Именитый* — по-видимому, указывает на популярность этого героя.

И Жюль Ренара слог простой. — Не путать с Жаком Ренаром, а тем более с Жозефом Ренаном, автором «Истории христианства». Ренар — мало известный в России французский писатель XIX—XX вв.: лишь немногие читали безыскусные произведения Ренара о сельской жизни («Буколики») и его «Дневники».

...гипнотизер Андреев. — Писатель Леонид Андреев при Сталине не издавался, но, как мы видим, это не было помехой для интеллигентных читателей. Флоберовский «Бувар» — сатирический, весьма едкий, по свидетельству критиков, роман Г. Флобера «Бувар и Пекюше», написанный незадолго до смерти романиста (фактически неоконченный). В России переиздавался редко, например, не вошел в «Избранное» (1947).

И «Модных терминов словарь». — Автор перефразировал (или взял из менее известного издания) заглавие русского перевода сатирической книги Г. Флобера «Лексикон прописных истин». Там фигурировали «истины» вроде «Гидра анархии — беспощадно подавлять», «Блондинки — более пылки, чем брюнетки» и т. п.

24 Ландау клялся и Юкавой. — Демонстрировал знакомство с авторитетами современной физики. Хидэки Юкава — японский физик, выдвинувший и развивший теорию мезонов (современную теорию ядерных сил). См. [12, с. 313].

25 Глядишь — герой в углу читальни. — Читальный зал физфака и мехмата располагался на втором этаже в здании по Моховой, 9, перед которым стоял памятник М. В. Ломоносову.

26 В Консерваторью без билета. — Стоит напомнить, что тогда от Университета до Консерватории было рукой подать — 300 м по улице Герцена (Б. Никитской).

27 Построились свиньей. — Намек на широко известный тогда по фильму «Александр Невский» клинообразный строй немецких рыцарей. Впрочем, в одном из вариантов: «В каре построились...» [2].

28 Юрист в мечтах — давно Вышинский

И только ждет команды: «Взы!». — Не очень лестный отзыв о коллегах с юридического факультета. Андрей Януарьевич Вышинский — генеральный прокурор СССР в годы известных процессов 1937—38 гг., обосновавший понятие «революционное право» в противовес «буржуазному».

Нынешнее содержание строфы претерпело по сравнению с первоначальными вариантами кардинальные изменения. Автор никак не мог однозначно выразить свое отношение к филологам. Публикатор остановился на более остроумном и менее обидном последнем авторском варианте, однако физикам прошлых поколений более знакомы два следующих варианта:

**Свой интеллект, и прежде низкий,
Вконец филолог растерял...**

**И стала уж совсем иною
Младых филологинь краса,
Улыбка томной, чуть хмельною,
Все испытавшими глаза.**

Тогда этими строками начиналась 22-я строфа второй главы [2]. Публикатор настоящего варианта поэмы Г. Г. Копылов сообщает, что на просьбу поддержать публикацию поэмы в 1987 г. академик А. Мигдал наотрез отказался, мотивируя это тем, что без указанных строк второго, видимо, дорогого ему варианта он рекомендовать поэму не может.

Филолог выучил азы. — Намек на церковно-славянский язык.

Экономиста мозг разбух. — Возможно, справедливо для того времени, когда экономика как наука в СССР практически не функционировала.

29 То рекордсмен-легкоатлет! — Отпечаток ревности студента-физика, также не последнего в спорте, к спортивным успехам химиков. Это чувство было пронесено через десятилетия и нашло отражение даже в опере «Архимед» (1960). В одном из первых вариантов: «Стал химик ярым альпинистом» — похоже, ничего плохого про химиков автор сказать так и не сумел.

По улучшенью давних лет. — Видимо, в какой-то мере справедливая характеристика советских историков, составлявших основу кадров нашего «Министерства правды» (по Дж. Оруэллу).

Философ ходит, словно пристав. — Так оно и было «в идеале» у наших руководящих философов.

**30 Чьё сердце — емкостью с фараду,
В ком — индуктивный мысли склад,
И сразу — к оде разогнался,
Подстегнут мощью резонанса,
Который в наших контурах**

Звучит, невежеству во страх! — Набор сравнений, выдающий в авторе бывшего радиолобителя. Фарада — емкость изрядная, соответствующая емкости шара радиусом 9 млн км (в 1500 раз больше Земли!).

31 Как жизнь, как смех, как дом родной,**Люблю угрюмое созданье**

Столетова на Моховой. — Несомненно, подразумевается старый пятиэтажный кирпичный корпус физического факультета во дворе домов 11—13 по Моховой. Построен этот корпус был, однако, усилиями не А. Г. Столетова [12, с. 255], а его последователя Н. А. Умова [12, с. 269] в 1895—1903 гг. (см. [16]). Но Столетов — «тоже правильно». Именно он открыл в том же дворе первый в МГУ лабораторный корпус в 1872 г. Здесь имеет место нередкая у поэтов аберрация понятий и явлений. Хорошим примером ее служит разобранное И. Сельвинским описание повадок барса у Лермонтова («Мцыри»), которые в изображении поэта характерны, оказывается, для собачьих, а не для кошачьих хищников!

Занятия физфака продолжались в этом здании до весны 1954 г. (последние два семестра только для младших курсов). В настоящее время здание принадлежит Институту радиотехники и электроники РАН. От Большой физической аудитории остался только «верхний слой» («Казбек», на уровне которого любил сиживать герой поэмы на лекциях) в качестве конференц-зала. Здание изрядно обветшало и пошатнулось (оно было поставлено на неудачном месте); по всему периметру, а также изнутри, оно схвачено стальными скрепами.

И кручи Воробьевых гор

Орлиный привлекают взор. — В 1948 г. по предложению Сталина было принято решение о строительстве новых зданий МГУ на Ленинских горах. Закладка их состоялась 12 апреля 1949 г. [17]. Комплекс зданий был в основном сдан в эксплуатацию 1 сентября 1953 г. Силами заключенных (отсюда «зона Б», «зона В» и т. д.), стройбатов (армейских строителей) и вербованных из деревень, с привлечением современной техники и квалифицированных специалистов, с перерасходом средств и материалов были сооружены весьма парадные апартаменты. Пятиэтажное здание физфака (слева от памятника Ломоносову) в функциональном отношении оказалось довольно хорошим и помогло факультету решить проблему помещений для занятий студентов и работы лабораторий. Но, естественно, только на какое-то время.

32* Ругать редактора сплеча. — От автора известно, что редактором факультетской стенгазеты «Советский физик» был в момент написания этих строк некто Чернетский. Газета под таким названием вывешивается на физфаке и до сих пор.

33* Де-шутки скучны, как Широков. — Михаил Федорович Широков (1901—1982) — известный физик-теоретик, профессор физического факультета, читавший лекции по теоретической физике. У тогдашних студентов лекции М. Ф. вызывали интерес и вряд ли годятся как эталон «скучности». Возможно, автор имел в виду что-нибудь вроде: «Скучны, как сухое изложение теоретических проблем физики».

Не то что младшие собратья. — *Младшие собратья* — курсовые стенгазеты, которые по обычаям того времени издавались довольно регулярно на всех курсах и украшали собою интерьер факультета.

На всю бездарную печать

Наклав молчания печать. — *Наклав* — как будто бы не вполне литературно. Можно было бы без труда отредактировать эту строчку так:

**И на бездарную печать
Молчанья наложить печать.**

Однако вариант автора звучит более «лихо».

34* **К тому ж ты, друг, не Соколов!** — Соколов Арсений Александрович (1910—1986) — известный советский физик-теоретик, профессор физического факультета МГУ, декан факультета в 1948—54 гг. Автор монографий и учебных пособий по электродинамике и квантовой механике (некоторых, кстати, в соавторстве с Д. Д. Иваненко), лауреат Государственной премии (1976). Был в качестве декана заложником группы борцов с «физическим идеализмом» (см. [4, с. 152—153]). Работал над проблемами нерелятивистской и релятивистской квантовой теории, читал на факультете лекции, чаще всего по квантовой механике, которые отличались тщательной проработкой деталей, хотя автора не то что не вполне устраивали, а скорее не вдохновляли. Ср. строфу 38*:

**И Соколов отвергает в сон
Тьмой формул...**

Отличался грузной фигурой и медлительной походкой, что дало автору повод к неуместным шуткам.

Промчал Самарский метеором. — Самарский Александр Александрович (род. 1919) — доцент, впоследствии профессор физфака, известный специалист по математической физике, в особенности в области численных расчетов некорректных задач методами конечных разностей, автор многих выдающихся научных работ и рекомендованного на физфаке учебника «Уравнения математической физики» (совместно с А. Н. Тихоновым). Много работал по совместительству (ему принадлежали, в частности, важнейшие расчеты по атомному проекту [18]), что, возможно, и проявлялось в его несколько торопливой манере («промчал Самарский метеором...») появляться и исчезать на факультете и в аудитории. Среди студентов считался хорошим преподавателем.

Прошел веселый Гвоздождёр. — Каламбур, подразумевающий похожую фамилию Гвоздовер (Самсон Давидович Гвоздовер, см. примечание к строфе 38*, «добряк Самсон»).

Вот Фридман, старый мухомор. — В. Г. Фридман (см. [4, с. 95]) о его участии в дискуссии 1948 г. по статье Маркова) — старейший в те годы преподаватель кафедры истории физики, проводил «идейные битвы» без отрыва от преподавания. Так, его излюбленной тирадой перед обращением к теме «Специальная теория относительности» было: «Я обвиняю Майкельсона в том, что он создал условия для разработки этой вредной теории!». С 1953 г. на факультете не наблюдался. В КИФ данных о нем не имеется. Ф. не имеет никакого отношения к своему однофамильцу А. А. Фридману, гениальному релятивисту [12, с. 284].

Проходит Ржевкин, худ и тих. — Ржевкин Сергей Николаевич (1891—1981) — известный специалист по акустике, профессор, с 1946 г. заведующий кафедрой акустики физфака, автор монографии по физической акустике. Хотя общих курсов не читал, был известен студентам благодаря своей типично «профессорской» благородной внешности. Дожил до преклонного возраста, занимаясь исследовательской и преподавательской работой. В 40—50-х гг. считался принадлежащим к группе идейных борцов, упомянутых в материалах «Совещания». По мнению некоторых, его объединяла с этой группой неприязнь к тем, кого «стыдливо» именовали «космополитами». О его научной деятельности см. [19].

35* **Ах, да! Ведь семинар сегодня**

По философии! — Почти ритуальное действие, посвященное марксистско-ленинскому якобы осмыслению всей научной и педагогической деятельности. См. примечание к строфе 40*.

Гербами в ромбиках сверкая. — Гербы в ромбиках — значки выпускников Университета. Известен анекдот (из серии «Армянского радио»), что такие значки дают затем, чтобы нищие не приставали.

36* Акулов, тензора создатель,

Делец, а с виду Арлекин. — Николай Сергеевич Акулов (1900—1996) — известный физик [12, с. 8], профессор физфака, до 1954 г. заведующий кафедрой магнетизма, лауреат Сталинской премии (1941). Бесспорной заслугой Н. С. Акулова явилось создание теории анизотропной намагниченности (отсюда — «тензора создатель»). На факультете сочетал большую техническую («акуловский магнит») и организационную («делец») деятельность с рьяным участием в идеологических битвах и выступлениях в художественной самодеятельности (будучи неплохим тенором, он исполнял, возможно, и партию Арлекина из «Паяцев», но более достоверны известия о его исполнении арии Каварадосси из «Тоски»). В идейных разборках [4, с. 132—136] он являлся одним из самых беспардонных участников на стороне «истинно русских диалектических материалистов», участвовал «в охотку», по собственной инициативе. Его подлость вызывала отвращение у большинства рядовых коммунистов, особенно участников войны. Так, однажды Н. С. выступил на открытом партийном собрании перед коммунистами с «разоблачением» профессора Сергея Тихоновича Конобеевского, который, став и. о. декана факультета, решил по совету «умных людей» вступить в партию. Разоблачение состояло в том, что С. Т. объявлялся побочным сыном помещика! Н. С. охотно подписывал клеюзы на конкурентов и неугодных, отправляя эти подметные письма в официальные инстанции. Подоплекой ссоры Н. С. с академическими и, соответственно, участвующими в атомном проекте физиками была его неосновательная претензия на приоритет в открытии цепных реакций. А дальше уже шла борьба без правил на взаимное истребление, как это водилось в некоторых научных кругах, развращенных партийной опекой и неутоленным стремлением к «людоедским котлам бога войны» (удачная, как мне кажется, цитата из [20, с. 126]).

Акулов готовил выступление для участия в «несостоявшемся Совещании» [4, с. 133, 154]; он неоднократно подавал на заседаниях оргкомитета (март 1949 г.) беспардонные реплики, за что и был однажды удален [3, № 5]. По решению ЦК от 14 августа 1954 г. [3—7], принятому по итогам работы комиссии под руководством В. М. Малышева, Акулов в 1954 г. был отстранен от работы на физфаке.

Леднев, столпов ниспровергатель. — См. примечание к строфе 18.

Д. Д. — знаток интерпретаций. — См. примечание к строфе 18.

Вот Власов, факультетский лев,

Слепой фанатик буквы f . — Анатолий Александрович Власов (1908—1975) — профессор физического факультета, выдающийся физик [12, с. 66], известный своей теорией плазмы (функция распределения частиц обозначалась буквой f , отсюда — «слепой фанатик буквы f »; в последней редакции, правда, употреблено «фанатик ярый буквы f » [1]). Будучи одним из крупнейших ученых физфака («факультетский лев» не по чинам, а по масштабу своих достижений), попал под бульдозер противостояния факультетских физиков и столпов академической науки. Знаменитая «статья четырех» [21] устами всемирно известных авторитетов в целом правильно указала на отдельные недочеты его работы. По мнению Е. Л. Фейнберга, теперь критика четырех авторов представляется малосущественной, хотя и правильной. Известно также, что в теории Власова были и другие ошибки (не учтены некоторые механизмы затухания), на которые впоследствии указал Ландау.

В то же время нельзя отрицать ценность уравнений Власова для важного случая бесстолкновительной плазмы (см. также [15]). Было бы слишком примитивно думать, что «четверка» как бы отомстила Власову за то, что А. А. не только посмел конкурировать в 1944 г. с И. Е. Таммом (кстати, своим учителем!) за место заведующего кафедрой теоретической физики, но еще и в силу уже известной конъюнктуры был избран на эту должность. Когда, однако, под давлением ЦК КПСС (возможно, кем-то инспирированным) министерство прислало вместо избранного Власова и забаллотированного Тамма своего назначенца В. А. Фока (между прочим, одного из действительно крупнейших советских и мировых физиков-теоретиков, см. [12, с. 279]), тот был подвергнут на физфаке такой обструкции, что через несколько месяцев вынужден был уйти, и завкафедрой все-таки стал Власов. По решению проректора МГУ В. И. Спицына Власова сняли с этой должности, но, опять-таки «под давлением общественности», восстановили. По мнению Е. Л. Фейнберга, хуже всего то, что знаменитое власовское уравнение, как казалось самому его автору, становилось чуть ли не основой квантовой механики, а это, в свою очередь, делало его предметом спекуляций некомпетентных околонучных журналистов. Определенные возбудимость и нервозность А. А. Власова, обусловленные всеми этими перипетиями, способствовали нездоровой обстановке вокруг этого талантливого ученого.

Хорошо известно (см. [24, с. 125]), что школы А. Д. Сахарова и Е. К. Завойского признавали высокую ценность теории Власова. Без упоминания уравнений Власова практически невозможно приступить к обсуждению любой задачи, касающейся разреженной плазмы. За эту работу в 1970 г. была присуждена Ленинская премия. Анатолий Александрович пользовался также известной популярностью как интересный лектор по разделам теоретической физики (особенно по квантовой механике), хотя его лекции страдали некоторой усложненностью и сумбурностью. Выпускники нескольких курсов физфака с удовольствием вспоминают обзорный курс Власова перед государственными экзаменами. Эти экзамены, впрочем, с 1955 г. были на физфаке отменены.

С ним рядом Саввич, спорщик ярый. — Александр Саввич Предводителев, профессор физфака, известный физик [12, с. 221], долгое время был директором Института физики при физфаке и завкафедрой молекулярной физики. Имел бесспорные научные достижения, но позволил вовлечь себя в бесплодные идеологические словопрения. Готовил выступление для участия в «Совещании» [3, № 3, с. 102]. Возможно, имел в этом деле какие-то личные интересы, связанные с тем, что, будучи сравнительно давно (в 1939 г.) избран в члены-корреспонденты по Отделению технических наук, так и не попал в академики.

Дурак Н. . . в. — Предположительно Василий Федорович Ноздрев (1913—?), в то время доцент физического факультета. Участник Великой Отечественной войны, награжден орденами и медалями. Активный партфункционер (тот самый член и даже секретарь парткома МГУ, который впоследствии допрашивал читателей «Стромыкина» и участников бунтарской комсомольской конференции, энергичный боец идеологического фронта (см. [3; 4, с. 130—132]). Был по решению ЦК КПСС удален с факультета и работал в Московском областном педагогическом институте. Занимался молекулярной акустикой. Известны его стихи (он был «и баснописец и акын»), изданные восемью отдельными книжками и в сборнике «Музы в храме науки». Став членом Союза советских писателей, в отличие от автора поэмы, с публикациями стихов затруднений не имел. Предположительность отнесения основывается, во-первых, на том, что в вариантах встречается «дурак

NN» и «XX-дурак» без каких-либо указаний на особенные приметы этой личности [2]. Во-вторых, сам Василий Федорович, насколько помнится составителю, предпочитал прочтение своей фамилии «Ноздрев» с ударением на первом слоге.

И Ноздрев как великий инквизитор Свергает с показаньями донос...

С другой стороны, само то рвение, с которым участвовал в идейных битвах Ноздрев («и зять его Мижуев», — как было подписано от руки на одном из объявлений о семинаре), позволяло не слишком высоко ценить его интеллект.

... **седой Ильин.** — Борис Владимирович Ильин (1888—1964) — профессор, некогда основатель кафедры общей физики для химфака. Во время эвакуации основной части физфака в Ашхабад и Свердловск исполнял в Москве должность декана. В годы, описанные в поэме, уже пожилой и не слишком активный, был далек от новейших направлений в физике. Специалист по адсорбции. Работал до начала 60-х годов.

А вот и памятника сын. — Известный своим непониманием и даже неприятным новым достижениям физики («антирелятивист» — по определению Иваненко) Аркадий Климентьевич Тимирязев (1880—1955), заведующий кафедрой истории физики, сын «настоящего» (см. строфу 37*) К. А. Тимирязева, известного физиолога растений, памятник которому стоял недалеко от старого МГУ у Никитских ворот, куда студенты нередко бегали с занятий на киносеансы.

37* В те дни, когда на бюст у двери. — Время не определено: фактически — от постройки здания в 1903 г. до предвоенной поры. Там над дверью стоял на полочке «длинноносый Ньютон».

Столетов выступал блестящий. — Увы, Столетов здесь не успел выступить. Он скончался за год до начала строительства этой аудитории.

И Тимирязев — настоящий! — Ср. строфу 35*.

Вавилов кванты здесь ловил. — С. И. Вавилов проводил лекционную демонстрацию чувствительности глаза к квантам света.

Ленгмюра, Бора, Жолио. — Здесь упоминаются известные физики, возможно, по мнению автора, бывавшие в старой Большой физической аудитории (БФА) [12, с. 161, 39, 112]. Сведений о посещениях упомянутыми физиками БФА на старом физфаке в КИФ мы не нашли. Однако в сборнике [22] сообщается, что в мае (между 14 и 17 числами) 1934 г. Н. Бор выступал в Большой физической аудитории и переводил его И. Е. Тамм. Е. Л. Фейнберг сообщает там же, что ситуация и даже содержание доклада повторились в мае 1961 г. в актовом зале ФИАН. В новой БФА на Ленинских горах Н. Бор также выступил в 1961 г., и переводил его Е. М. Лифшиц. Здесь большое влияние на выступление Бора оказало его присутствие накануне на «Празднике Архимеда». Про Жолио известно, что он был в СССР в 1933 г.

Здесь выступал отважный Марков. — Александр Моисеевич Марков, член-корреспондент АН СССР, известный физик в области теории элементарных частиц [12, с. 179; 4, с. 89—96]. Короткое время читал лекции на физфаке. Эпитет «отважный» заслужил за принципиальную позицию в идейных стычках. В частности, можно отметить публикацию статьи [23] и стойкое сопротивление наветам в процессе подготовки «совещания, которое не состоялось» (см. [3], особенно статью самого Маркова в № 5). Только рыцарской отвагой можно объяснить «иллюзию А. М. о возможности честной философской дискуссии» [4, с. 95] с такими ревнителями идейной чистоты, как философ А. А. Максимов.

Здесь Хайкин курс махистский свой

Прочел. — Семен Эммануилович Хайкин (1901—1968) — серьезный ученый-физик и талантливый педагог, профессор, бывший, между прочим, деканом физфака в 1935—36 гг. Его перу принадлежит курс «Механика», изданный в 1945 г. и основанный на оригинальных лекциях автора. В этом курсе упоминались работы известного физика и философа Эрнста Маха [12, с. 181]. Там же дано и превосходное развернутое изложение специальной теории относительности Эйнштейна. Неслыханным было полное отсутствие клятв в непризнании философских идей самого Маха и его последователя — автора СТО, что и дало основание «идеологическим борцам» заклеймить и курс, и самого С. Э. и, наконец, выгнать его с факультета. Однако попытки полностью «истребить» С. Э. методом партийной чистки (исключения из кандидатов в члены партии, с чего обычно начиналось всё, вплоть до репрессий) проходили негладко благодаря коммунистам-фронтовикам, не допустившим на собрании в сентябре 1945 г. расправы над Хайкиным [4, с. 191—198].

Махистский — словцо, употреблявшееся идейными борцами в качестве ругательного. Известно, что Э. Маху «повезло» попасть под критический разгон самого В. И. Ленина-Ульянова в его знаменитом труде «Материализм и эмпириокритицизм» (см. главу I этой настольной книги советских борцов за диалектический материализм). Особенно вредные идеи Маха были, по мнению Ленина, обобщены в книгах «Анализ ощущений» (русский перевод вышел в 1907 г. в издательстве Скирмунта); «Познание и заблуждение» и др. Упор на критику отдельных формулировок, касающихся мировоззрения Э. Маха, независимо от того, повлияли ли эти формулировки на научные достижения Э. Маха, был нужен Ленину, видимо, для самоутверждения в качестве ведущего философа русской марксистской элиты. Тем самым Ленин обозначил свое ведущее положение во всех «трех составных частях марксизма»: экономике, политике и диалектическом материализме. На развитии физики первое и второе издания (1909 и 1920 гг.) книги Ульянова в то время никакого влияния не оказали, да автор и не претендовал на это. В советский же период этой книгой не только размахивали на философских семинарах, но и привлекали цитаты из нее для идеологических доносов на неугодных представителей научных кругов (ср. [3; 4, с. 12—14]). Теперь «Материализм и эмпириокритицизм» вспоминается как список ругательств, рекомендованных к употреблению в адрес философов-немарксистов.

38* **Счет рукою воздух Власов.** — См. примечание к строфе 36*.

Семенченко нам уши рвёт. — Владимир Ксенофонович Семенченко (1894—1982), профессор физфака и химфака МГУ, читал лекции по термодинамике. Отличался чрезвычайно высоким голосом, на ударных слогах взлетавшим вверх еще на полоктавы: «Так однажды Максвелл сделал из гипса, термодинамическую поверхность Гиббса...» (запись 1952 г.).

Свой Млодзеевский курс ведет. — Анатолий Болеславович Млодзеевский (1883—1959), известный физик, профессор физфака [12, с. 190]. Автор пятитомного «Демонстрационного курса физики». Поэт лекционных демонстраций, которые с помощью своего лаборанта (Егорова) выполнял с исключительным артистизмом. Его шедеврами были демонстрации: гравитационного взаимодействия между свинцовыми шарами, вращения плоскости поляризации света от щелевого источника в большом прозрачном сосуде, различных красочных эффектов поверхностного натяжения и осмотического давления («псевдоамеба»). Отличался живой жестикуляцией и образной речью во время лекций по курсу общей физики и термо-

динамики, особенно при удачной демонстрации опытов. На лекциях даже срывал аплодисменты. Ярко и с энтузиазмом общался и с аудиторией в целом, и с отдельными слушателями, задававшими ему вопросы. В то же время недолюбливал высокую теорию, что вызывало критику его попыток читать курс термодинамики и статфизики.

Жуя мочалу, лепет детский

здесь издает Я. П. Терлецкий. — Профессор физфака Яков Петрович Терлецкий (1912—1993). Физик-теоретик, лауреат Сталинской премии по закрытой, но вряд ли чересчур оригинальной тематике («Теория индукционных ускорителей микрочастиц», 1951), позднее (1972) — лауреат Ленинской премии за работы в области магнитной индукции. Неизменный лектор по курсам теоретической физики, особенно по статистической физике и релятивистской электродинамике. От большинства выпускников не приходилось слышать нареканий по качеству лекций Я. П., но, если прислушаться к их фрагментам, действительно можно было услышать дежурный по тогдашним идеологическим требованиям «лепет детский»:

«Что такое пространство? — Ну, пространство, согласно положениям, открытым диалектическим материализмом, пространство и время — формы существования материи. Что это значит? Это значит, что материя существует в пространственно-временной форме, т. е. это всеобщие формы существования материи. Они реальны. Это не есть какие-то мысленные категории. ...Эйнштейну в этом вопросе повредил махизм...».

И несколько далее:

«Время — всё, материя — она существует в пространстве и времени, она развивается во времени. Объект, он существует, он развивается во времени. Значит, каждый объект находится во времени. Значит, можно к этой "координатной" сетке присоединить последовательность времён... Мы стремимся к чистому времени, о котором говорил Энгельс. ...Надо эту сетку сравнить с некоторыми часами, они могут неравномерно идти, но мы будем находить всё более и более лучшие часы, как и масштаб...» (запись 1952 г.).

Яков Петрович был талантливым физиком, но, как считают некоторые, «скурвился» и был далеко не чужд идеологической борьбы [4, с. 172—173]; упоминается в материалах «Совещания» [3]. Имел, по-видимому, и задачи иного плана. В кругах физиков он слыл агентом КГБ, что подтвердилось в одной из публикаций газеты «Совершенно секретно» и в собственной посмертной публикации Я. П. в ВИЕТ [24]. Был известен также на факультете как альпинист.

И Соколов вергает в сон

Тьмой формул, и добряк Самсон

Кием колотит по экрану. — *Соколов* — см. комментарий к строфе 34*. *Добряк Самсон* — Самсон Давидович Гвоздовер (1907—1970), профессор физического факультета, в 1947—1970 гг. заведующий кафедрой радиофизики сверхвысоких частот, заведующий Отделением радиофизики. Вел как теоретик, непосредственно руководящий экспериментом, исследования в области взаимодействия электронных потоков с объемными резонаторами, радиоспектроскопии ядерного магнитного резонанса и ферромагнитного резонанса. В идеологических боях не принимал участия, а, напротив, считался в партийных кругах «космополитически настроенным ученым школы Манделъштама». Автору поэмы чрезвычайно удался образ низкорослого, коренастого и широколицего Самсона Давидовича с бесконечно добрым выражением лица, едва дотягивавшегося указкой («киём») до верхней части экрана. За трудолюбие и добродушие пользовался симпатией у коллег и

подчиненных, что сказалось, когда он серьезно заболел и ему понадобился аппарат для искусственного дыхания. В мастерской кафедры такой аппарат с участием многих сотрудников кафедры и механика В. С. Букланова был изготовлен и на какое-то время продлил жизнь С. Д. Опыт кафедры был использован впоследствии при попытках спасти также страдавшего параличом дыхания И. Е. Тамма.

И Тихонов, ученый кот,

Мурлычет. — Андрей Николаевич Тихонов (1906—1994), профессор физфака МГУ (впоследствии декан факультета вычислительной математики), в те времена — заведующий кафедрой математики физфака. Авторитет в области численного решения некорректных задач и вообще методов математической физики, глава одной из математических школ в области прикладных вычислений, сыгравшей выдающуюся роль в решении проблемы создания советских атомной и водородной бомб, один из авторов рекомендованного физикам учебника. Ему принадлежал ряд фундаментальных и практически важных расчетов. Небольшие странности во внешнем облике и поведении несколько гипертрофированы автором поэмы. Впрочем, известно, что студенты за глаза нередко называли его «Кисой». Автор поэмы, будучи вынужден уехать из Москвы и в течение трех лет работать в школе на своей родине в Днепропетровске, написал Тихонову, на кафедре которого он учился, письмо с просьбой дать задачу для расчета. Ответа не последовало. Могли А. Н. пригласить «недопущенного» выпускника к решению тех задач, которые его интересовали, или он что-то имел против своего ученика — это большой вопрос.

...жизни всем дает

Здесь Рабинович неустанный. — Доцент кафедры математики физфака Юлий Лазаревич Рабинович, опытный математик и блестящий лектор по математическим дисциплинам. Известен был энергичным, напористым стилем чтения лекций («жизни всем даёт, здесь Р. неустанный») и «допроса» студентов на экзаменах. Славился своей способностью продолжать любой математический курс физфака с любого места. Блестяще перевел на русский язык пару учебников Куранта по математике.

40* Скажу лишь вот что: тьму проблем

Гоняли в жарких словопрениях... — Проблем было много. Поднимались вопросы о комментариях к тем или иным положениям и высказываниям Ленина (из «Материализма и эмпириокритицизма»), Энгельса (из «Анти-Дюринга» и «Диалектики природы»), а также об уничтожении или, в крайнем случае, об истолковании в духе диамата каждого из мало-мальски доступных для научно-серой массы положений, формул и результатов квантовой механики (обычно соотношения неопределенностей) и теории относительности (обычно постулатов специальной теории относительности). Особенно не повезло, как многие помнят, в связи с идеологическим погромом среди химиков теории резонанса Полинга (см. [25; 26]). Теория относительности была излюбленной мишенью нападков доморощенных «материалистов» (впрочем, осталась ею и по сей день). Кроме того, необходимо было отзываться на последние статьи и решения, кричать осанну верным и проклипать неверных. Короче, идеологическая жизнь, проявлением которой, в частности, и были подобные семинары, была ключом. Благодаря проблеме ядерного оружия прагматическая тенденция в 1949 г. возобладала и позволила сохранить кадры наиболее выдающихся советских физиков. Становились ли некоторые (от студентов до профессоров и академиков) пешками в этой борьбе или участвовали в ней то ли из корыстных, то ли из принципиальных соображений, — ныне сказать трудно. Многих из упомянутых, скажем, в материалах «Совещания» [3] и в книге [4]

идейных борцов того времени (М. Д. Карасев, В. Н. Кессених, Ф. А. Королев, Б. И. Спасский, М. И. Шахпаронов и др.) автор поэмы не знал или не упомянул. К. А. Томилин справедливо замечает, что еще в 1949 г. свершился непрерывный и мягкий переход основной идеологической проблемы с сокрушения «физического идеализма» на расправу с «космополитами», т. е. на стезю практического антисемитизма [6]. Провал «Совещания» 1949 г. был обусловлен тем, что трогать людей, занятых атомным проектом, было для властей предрержащих нежелательно. Другое дело — тяжелая ситуация П. Л. Капицы, фактически поставленного на грань между опалой и репрессией. Сопротивление этому «Совещанию» И. В. Курчатова, А. П. Александрова и многих их соратников, просто уклонившихся от участия в «совете нечестивых», или тех, кто были мишенями «критики», также оказалось весьма достойным.

Можно ли было считать участников атомного проекта находящимися под защитой Берии? Вопрос спорный: эта защита была весьма относительной, с постоянной угрозой перехода от беспощадной эксплуатации к беспощадной расправе.

Недавно история «идейной борьбы» (если ее можно так назвать) нашла серьезное отражение, например, в работах [3—7].

Ради справедливости необходимо упомянуть многих ученых физфака, специалистов Отделения ядерной физики, созданного на физфаке в 1947 г. под руководством Д. В. Скобельцына, вложивших немало труда в выполнение атомного проекта, особенно в подготовку кадров [18].

33** Идеиной стирки ароматы. — Автор намекает, что под видом борьбы идей протаскивались самые дурнопахнущие концепции, от «революционной целесообразности» до антисемитизма и национал-шовинизма, и сводились самые подленькие личные счеты. См. также строфу 25 главы 4: «В идеиной стирке, в грязной пене...».

ГЛАВА 3

g_{ив} да g^{ив}, а о водке ни полслова (Денис Давыдов). — g_{ив} да g^{ив} — указание на тензорные величины, звучащее почти как «Жомини да Жомини», где Жомини — известный военный стратег времен Наполеона и, соответственно, Д. Давыдова. Излюбленный прием автора — перевираание хорошо знакомых читателю текстов.

Я был свидетель умиленный

Твоих студенческих забав. — Тот же прием с перевираанием цитируемого текста («Евгений Онегин», глава II, строфа XXI: «Он был свидетель умиленный ес младенческих забав»).

2 Ревели песню о «Морже». — Вариант: «Столь популярную "Моржу"». Ср.: «Гремит "Моржа" подобно гимну... (6 строфа). «Моржа» — одна из действительно популярных в теплых студенческих компаниях песен на мотив известного фокстрота с примитивным содержанием (об охоте эскимосов на «моржу»: «На далеком севере эскимосы бегали...»). По классификации А. Милна — Б. Заходера, очевидно, принадлежала к разряду «ревелок». Такого рода песни на знакомые мотивы сочиняли сами студенты.

5 И властный голос Левитана

Поздравил с Новым годом нас. — В те времена первое новогоднее поздравление произносил по радио знаменитый диктор Юрий Левитан. По признанию автора, при написании этой строфы он впервые осознал, что советское общество несомненно является классовым.

6 Гремит «Моржа» подобно гимну. — См. примечание к строфе 2 главы 3.

ГЛАВА 4

Родит же, черт возьми, родит

Земля подобных Афродит. — Неясно откуда. От автора можно ожидать, что он и сам способен сочинять себе эпитафии.

3 А на орбитах отдаленных

Вокруг центрального ядра

Вращались пары до утра,

Мелькая, словно электроны,

Своими спинами двумя. — Развернутое сравнение с планетарной моделью атома.

5 Вся в шпурах, вся в функционалах. — *Шпур* (нем. «след») — сумма диагональных элементов матрицы; является инвариантом, т. е. не меняется при изменении системы координат. *Функционал* — величина, значение которой определяется всем ходом некоторой функции в некотором интервале аргумента. Понятия, разумеется, весьма специальные.

6 Захлебывается с тоской

Воспрявший было род людской. — Остроумный намек на текст «Интернационала».

8 Его в молекул хоровод,

Соединенных двухвалентно. — Теперь уже «использована» модель валентных связей.

10 Сопrotивляйся, как мегом. — Не очень удачный каламбур, смысл которого: «сопротивляйся, как сопротивление» (притом очень большое). Однако электрическое сопротивление на самом деле рассеивает энергию, а не борется с чем-то.

11 Не измерение альбедо,

Не защемленная консоль. — Похоже, героиня занимается то ли оптикой, то ли астрономией, то ли прикладной механикой.

12 Но инвалидом пятой группы

Прозвать пришлось ее друзьям:

В анкете был у ней изъян. — Популярный пассаж «черного юмора»: напоминание, что в пятом пункте одной из стандартных анкет стоял вопрос о национальности.

13 Я знаю — *verbum est argentum*. — «Слово — серебро» (лат.)

15 Его отец был чаевод. — Скорее, секретарь райкома или директор завода, ну в крайнем случае — председатель колхоза.

Две тыщи в месяц, двадцать в год. — Месячная стипендия на физфаке (в зависимости от курса, специальности и успеваемости) была тогда от 280 до 1000 руб. (по постановлению от 1947 г.). Средняя зарплата в стране (по грубой оценке) — около 1000 руб. (учитывая, что десятки миллионов крестьян и миллионы заключенных зарплаты вообще не получали и в статистику не входили, — и того меньше). Бутылка водки стоила от 21 руб. и более, коньяка — от 30 руб. и более.

17 Литературный критик громко. — Неясно, зачем появился на Стромынке на балу столь процветающий критик. Может быть, поухаживать за какой-нибудь аспиранткой? А возможно, только для того, чтобы быть обруганным автором. Хрошает связь творения с реальностью.

Стахановцев, а не людей. — Стахановцы — символ советской сталинской показухи. Одним из идеологических мифов сталинизма, вызывавшим восхищение даже у его заклятого конкурента Гитлера, было стахановское движение, участники которого якобы могли за счет сознательности и организованности (а фактически за счет приписок) перекрывать разумные технические нормы в десятки раз.

18 ...В тот год был сильный недород. — Особенно сильный недород был в послевоенный 1946 год, и отсюда кажется, что герой встречает новый 1947 год. Однако этому выводу мешает (см. строфу 22 и далее) присутствие на балу большого числа китайцев, которые появились на Стромынке в 1950 г.

Жизнь эскимосов и чукчей. — К сожалению, автор неправильно ставит ударение.

22 ...Ублюдок плановой системы. — Самые ярые сторонники советской власти не могли не понимать и тогда ублюдочность того варианта плановой системы, который реализовался в СССР.

Сиял китаец взглядом чистым. — См. комментарии к строфам 18 и 24. Поскольку появление китадца полезно автору для «раскрытия образа времени», он перестает следить за соответствием частных фактов реальности.

Не знал он веры в полнакал. — Правильнее было бы «в полнакала».

23 Везде таился дядя Сам. — Дядя Сам (Сэм в более обычной для советской прессы транскрипции) — любимый карикатурный персонаж антиимпериалистической пропаганды того времени.

24 Он рок-н-ролл плясал, неистов. — Похоже на небольшой (впрочем, действительно небольшой) анахронизм.

В [1] в конце этой строфы вставлена довольно дежурная и как бы запоздалая (ей бы появиться в 22 или 23 строфах) острога:

**Я выдам вам сейчас секрет:
 Был прежде русским тот китаец,
 Но за марксизм он засел,
 И от усердия — окосел.**

25 В идейной стирке, в грязной пене. — См. строфу 33** главы 2: «Идейной стирки ароматы».

Приказ: «Патронов не жалеть!» — Т. е. разоблачать своих руководителей. Любимое занятие карьеристов конца 40-х—начала 50-х.

Иван, не помнящий родства. — Излюбленная советскими официозами риторическая фигура, подразумевающая «космополита». Впрочем, подлинные имена космополитов обычно мало походили на имя «Иван».

27 А в урожаях весьма низких

Винить ученых вейсманистских. — Т. е. генетиков. Издевательстванадтак называемой «формальной» генетикой не сходили со страниц советских газет и журналов после знаменитой августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ. Например, считалось хорошим тоном поносить их за отрыв от нужд народного хозяйства (мухами-дрозофилами занимаются!!!) или просто за якобы заумь, примером которой обычно служила абсолютно прозрачная для каждого, кто обратится к определениям, фраза: «Рецессивная аллель влияет на фенотип, если генотип гомозиготен».

29 Заветов ленинских реликты. — В годы хрущевской оттепели и позднее, практически до конца 80-х, «ленинские заветы» считались основой для создания чаемого «социализма с человеческим лицом», а их нарушение — чуть ли не основным грехом советских коммунистов.

**30 Сознание заменив чутьем,
Он жил отличным бытием.** — Редакторская правка не совсем удачной строки.

31 Автор допускает рифму «упрёк — впряг» (подразумевая, что слышится «впрёг»).

34 Что, скажем, в Робсоне видна. — Пол Робсон — выдающийся американский певец (бас), чернокожий американец, не скрывавший своих симпатий к СССР и коммунизму. Активный и искренний борец за мир в рядах просоветских организаций. Подвергался преследованиям в период т.н. маккартизма в США, с трудом добился разрешения на гастрольную поездку в СССР, которая прошла в 1947 г. с небывалым успехом.

ГЛАВА 5

Учиться, учиться и учиться (Н. С. Хрущев) — Шутка автора. Разумеется, эта фраза принадлежит Ленину, а Хрущеву — принадлежит претензия «быть Лениным сегодня».

1 Есть на Козихе, за прудом

Доходный дом один старинный. — Похоже, что герой осваивает Москву уже более плотно и широко. Бол. Козиха — ул. Остужева, расположена между Пушкинской пл. и Б. Бронной ул., там, где прежде у Патриарших прудов располагалось Козье болото.

5 Чертить, сдавать «Основы» на пять. — См. примечание к строфе 15 второй главы.

6 Красноречив новейший зодчий. — Намек на Хрущева, что объясняет и эпиграф.

И раздражал больших сагибов. — *Сагибов* — господ (хинди). Слово, внедренное в русскую поэзию Н. Тихоновым.

7 Отец, отец, оставь угрозы. — Цитата из поэмы Пушкина «Полтава».

11 А все C_2H_5OH . — C_2H_5OH — этиловый, или винный, спирт.

12 Прически модные тарзаньи. — Скорее всего, подразумевается отсутствие причесок, как и положено Тарзану, живущему по сюжету популярных тогда трофейных фильмов в джунглях.

Семиты из Кременчуга. — Или, понятно, из других мест Украины и Белоруссии, где при царизме проходила знаменитая черта оседлости для евреев.

13 Как будто струйками озона,

Как будто закисью азота. — Бодрящий в небольших концентрациях озон и знаменитый «веселящий газ» — закись азота.

14 Мы импотентны к чувствам свежим. — Удачный неологизм автора.

18 В плену планет плыл плот Плеяд. — Легко представить по этим строкам семь расположенных четырехугольником с «хвостом» (ковшиком) ярких звезд Плеяд среди пары еще более ярких планет (ниже будет указан Юпитер).

ГЛАВА 6

Энтропия мира стремится к максимуму. — Возрастает ли энтропия мира, — это неясно, поскольку доказуемо лишь то, что возрастает энтропия всякой изолированной системы. Трактовалось как буржуазно-пессимистическое толкование философии природы. См. строфы 11–12.

Энергия не создается и не уничтожается, а лишь переходит из одной формулы в другую в равных количествах. — Шутливое переложение закона сохранения энергии на язык двоечницы.

3 Теперь с обычной частотой

В один и три десятых герца

Не бьется у героя сердце. — Т. е. как у нормальных и спокойных людей: 78 раз в минуту.

Запретны (словно в наши дни

Аллели, гены, хромосомы). — См. примечание к строфе 27 четвертой главы.

7 И, как свидетельствует опыт,

Растет любви величина. — Пародия на строку из лабораторного отчета. «Свидетельствует» в данном контексте, конечно, физический эксперимент, а не абстрактный жизненный опыт.

9 Вся наша жизнь из синусоид,

Из асимптотик Бесселей. — Скорее, справедливо второе, так как все процессы имеют обыкновение затухать, — подобно функциям Бесселя и в отличие от синусоиды.

11 А смысл энтропии прост:

Ее неукротимый рост

Есть девальвация природы.

У ней, проклятой, цель одна:

События исчерпать до дна. — См. примечание к эпиграфу. Тирада довольно удачна.

12 Бродил, бездарный, как Сурков. — Алексей Александрович Сурков (1899—1983) — известный советский поэт, секретарь ССП. Мнение о его бездарности относится не столько к его версификации. Например, ему принадлежит текст известной песни военных лет «Бьется в тесной печурке огонь...». Зато в «поведенческом» смысле был действительно бездарен, известен как беспринципный карьерист («гиена в патоке»). Если бы не его регулярное и, очевидно, действительно бездарное участие в послевоенные годы в восславлениях режима и в идеологических стирках коллег, он, может быть, и запомнился бы по своим талантливым строкам, да еще по строкам К. Симонова «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...». Впрочем, об отношении физиков к Суркову можно прочесть в [27].

И небо мая над Москвой

Напоминало синевой,

Что справедлив закон Рэлея. — Напоминание автора о законе зависимости рассеяния света от длины волны выдает в нем заядлого популяризатора физической науки.

14 Монолог Евгения. — Здесь мы видим прямое подражание Пушкину, в романе которого встречаются подобные вставные пассажи: письмо Татьяны, стихи Ленского, письмо Онегина.

А дождь по Яузе плясал. — Действие происходит вблизи Стромьинского общежития. Оттуда до Яузы рукой подать.

ГЛАВА 7

Rp.: Sic transit gloria mundi (А. П. Чехов). — Рецепт (стандартное сокращение у медиков): Так проходит мирская слава.

И смысл изречения, и его (на этот раз неподдельное, хотя и условное) авторство не требуют комментария.

Пора кончать точить балясы,

Пора начать сводить балансы. — Похоже на излюбленный авторский самоэпиграф.

3 Забравшись в глушь, в почтовый ящик. — Любое закрытое учреждение должно было иметь «почтовый ящик», т. е. практически адрес для переписки, но ничего более для непосвященных. Довольно быстро этот термин был перенесен на класс подобных учреждений в целом. Физики работали в те годы, например, в Арзамасе-16, Томске-7, Челябинске-40 и т. д. Однако герой поэмы всё же, со всей очевидностью, работал в Дубне, в Объединенном институте ядерных исследований, который благодаря инициативе Курчатова, поддержанной Хрущевым, был отчасти рассекречен и даже сделан международным — уже после 1956 г.

Тут, как Суворов на редут,

Атаку на ядро ведут. — Несомненная авторская пародия на победоносные реплики об успехах советской науки.

4 Протонный вихрь кружится здесь. — Это про синхрофазотрон.

6 Весь день звучит грибовный скрежет. — Удачное расширение автором русского языка.

7 Стремясь уверенно к «Победе». — Популярная тогда и доступная по цене для граждан с зарплатой кандидата наук модель Горьковского автозавода.

10 Что разменяли мы Коммуну. — Типичный комплекс неполноценности будущего шестидесятника. Это опять о «Коммуне с человеческим лицом».

11 Науку двигая свою,

Я больше обществу даю. — То ли оправдание, то ли сушая правда.

13 Смысл систематики Гелл-Манна

И превращений КА НУЛЕЙ. — Так надо читать в стихе знак K^0 . Мюррей Гелл-Манн — виднейший теоретик в области физики элементарных частиц [12, с. 79; 15].

16 Быть может, крылья растоплю я. — Намек на крылья Икара.

18 В литературный парадиз. — Парадиз — рай, но какова рифма: парадиз — пародист!

19 Когда, усевшись за диплом,

Я понял то, чего не чайл. — Прямое указание на время начала работы над поэмой — весна 1949 г.

УПОМИНАНИЯ В ПОЭМЕ О ФИЗИКАХ И МАТЕМАТИКАХ ФИЗФАКА

- Акулов Н. С.:** тензора создатель, делец, а с виду — Арлекин (*глава 2, строфа 36**)
- Власов А. А.:** факультетский лев, слепой фанатик буквы f (*глава 2, строфа 36**); сечет рукою воздух (*глава 2, строфа 38**)
- Гвоздовер С. Д.:** веселый Гвоздодёр (*глава 2, строфа 34**); добряк Самсон киём колотит по экрану (*глава 2, строфа 38**)
- Иваненко Д. Д.:** не ставят ни во грош (*глава 2, строфа 18*); знаток интерпретаций явлений с помощью трех пальцев (*глава 2, строфа 36**); ...эрудит по часу кряду ерундит (*глава 2, строфа 38**)
- Ильин Б. В.:** седой Ильин (*глава 2, строфа 36**)
- Леднев Н. А.:** льва одряхлевшего — Эйнштейна, собрав профессоров кагал, ногой бестрепетной лягал (*глава 2, строфа 18*); столпов ниспровергатель, тридцатилетний вундеркинд (*глава 2, строфа 36**)
- Марков А. М.:** отважный Марков (*глава 2, строфа 37**)
- Млодзеевский А. Б.:** речь перемежая плясом, свой Млодзеевский курс ведет (*глава 2, строфа 38**)
- Ноздрев В. Ф. (?)**: дурак (*глава 2, строфа 36**)
- Предводителей А. С.:** Саввич, спорщик ярый (*глава 2, строфа 36**)
- Рабинович Ю. Л.:** жизни всем дает здесь Рабинович неустанный (*глава 2, строфа 38**)
- Ржевкин С. Н.:** худ и тих (*глава 2, строфа 34*)
- Самарский А. А.:** промчал Самарский метеором (*глава 2, строфа 34**)
- Семенченко В. К.:** Семенченко нам уши рвет (*глава 2, строфа 38**)
- Соколов А. А.:** как забеременевший страус (*глава 2, строфа 34**); ввергает в сон тьмой формул (*глава 2, строфа 38**)
- Столетов А. Г.:** угрюмое созданье Столетова на Моховой (*глава 2, строфа 31*); Столетов выступал блестящий (*глава 2, строфа 37**)
- Терлецкий Я. П.:** жуя мочалу, лепет детский здесь издает (*глава 2, строфа 38**)
- Тимирязев А. К.:** памятника сын; взметает вороха старья, академически остра (*глава 2, строфа 36**); не «настоящий» (*глава 2, строфа 37**)
- Тихонов А. Н.:** ученый кот; мурлычет (*глава 2, строфа 38**)
- Фридман В. Г.:** старый мухомор, идейных битв боец матерый (*глава 2, строфа 34**)
- Хайкин С. Э.:** курс махистский свой прочел (*глава 2, строфа 37**)
- Широков М. Ф.:** шутки скучны, как Широков (*глава 2, строфа 33**)

Литература

1. *Копылов Г. И.* Четырехмерная поэма и другие одномерные произведения / Ред. К. А. Любарский. Мюнхен: Страна и мир, 1990.
2. Всеобщая история Архимеда (рукописный архив художественного коллектива «Студия Архимед» при ДК РНЦ «Курчатовский институт»).
3. *Сонин А. С.* Совещание, которое не состоялось // Природа. 1992. № 3–5.
4. *Сонин А. С.* Физический идеализм (История одной идеологической кампании). М., 1994.
5. *Андреев А. В.* Социальная история НИИФ МГУ (1922—1954): Дисс. ...к. ф.-м. н. М.: ИИЕТ им. С. И. Вавилова РАН, 1996.
6. *Томилин К. А.* Борьба с космополитизмом в физике // Физика XIX—XX веков в общенаучном и социокультурном аспектах. М., 1997.
7. *Илизаров С. С.* Академический июнь 1958-го // Московская правда. 1994. 19 июля.
8. *Алексеева Л.* История инакомыслия в СССР: Новейший период. М., 1992.
9. *Бонгарт М. М.* Проблема узнавания. М., 1967.
10. *Поспелов Д. А.* Фантазия или наука. На пути к искусственному интеллекту. М., 1982.
11. *Фрумкина Р. М.* О нас — наискосок. М., 1997.
12. *Храмов Ю. А.* Физики. М., 1983.
13. *Болотовский Б. М.* Вспоминая годы молодые // ВИЕТ. 1991. № 4.
14. *Абрагам А.* Время вспять, или Физик, физик, где ты был? М., 1991.
15. Физическая энциклопедия / Гл. ред. А. М. Прохоров. Т. 1–4 М., 1988—1994.
16. *Любимов Ю. А.* В каких зданиях работали физики Московского университета // Бюллетень Российского Физического Общества. 1993. Вып. 3–4.
17. Дворец науки. Сборник рассказов строителей. М., 1952.
18. История советского атомного проекта. Труды международного симпозиума. М., 1998.
19. *Зарембо Л. К., Лёвшин Л. В.* Сергей Николаевич Ржевкин. М., 1992.
20. Чародей эксперимента. Сборник памяти Е. К. Завойского. М., 1994.
21. *Гинзбург В. Л., Леонтович М. А., Ландсберг Г. С., Фок В. А.* О несостоятельности работ А. А. Власова по обобщенной теории плазмы и теории твердого тела // ЖЭТФ. 1946. Т. 16. № 3.
22. Нильс Бор и наука XX века. Киев, 1990.
23. *Марков А. М.* О природе физического знания // Вопросы философии. 1947. № 2.
24. *Терлецкий Я. П.* Операция Допрос Нильса Бора // ВИЕТ. 1994. № 2.
25. *Сергеев Н. М.* Дискуссия о резонансе // Химия и жизнь. 1988. № 9.
26. *Сонин А. С.* Тревожные годы советской химии // Знание — сила. 1988. № 10.
27. Физики все еще шутят // Природа. 1996. № 9.